

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев.
Начало.

Исповедь является одним из главных средств спасения овец духовных. Хотя это не единственное средство, но в жизни церковной оно занимает одно из центральных мест. Об исповеди можно говорить очень много, кое-что особенно важно для будущих священников. Я, конечно, не могу претендовать на то, что имею какой-то особенный опыт. Лучше было бы, чтобы какой-то настоящий духовник, очень опытный, нас поучил и поделился своим духовным разумением проблемы духовничества, но, как говорится, за неимением гербовой бумаги, пишут на простой; вам придется довольствоваться моими малыми сведениями и мнениями.

Говоря об исповеди, мы должны сразу понять, что здесь имеется в виду, в основном, таинство покаяния. Таинство является одним из самых главных таинств, и дается нам, как благодатный дар, который после воскресения Своего Господь Иисус Христос сообщил ученикам Своим, со словами: «Приимите Дух Свят. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 23).

По общему рассуждению Церкви, это и есть тот дар вязать и решить, который является, по преимуществу, достоянием священства. И понятно, таинство покаяния, которое с этим даром связано, жило и живет в Церкви на протяжении уже почти двух тысяч лет, всегда оставаясь тождественным самому себе. Это таинство не меняется, ибо оно является таинством духовного врачевания, оно принадлежит духовному миру. Но в истории, как мы знаем, могут меняться формы совершения таинств, меняется чинопоследование таинств, меняется понимание таинств. Само таинство не меняется, его онтологическая сущность остается той же самой. Но понимание той сущности может быть разной в разное время. И более того, мы знаем, что всякое таинство совершается по вере, следовательно, очень часто бывает так, что в таинстве Господь преимущественно дает то или другое, в зависимости оттого, что мы просим с верой. Но это не значит, что таинство стало другим, нет. Скажем, есть таинство причащения Святых Христовых Таин. Естественно, что в этом таинстве мы сочетаемся со Христом. Это главное. Но при этом мы можем всегда молить Бога о том, чтобы благодать, которая даруется в этом таинстве, сделала бы нас радостными и добрыми, а в другой раз – чтобы очистила наше сердце от каких-то страстей, а иной раз – чтобы Господь явил нам Свою волю. В таинстве мы получаем просимое. Так и в таинстве покаяния в зависимости оттого, что ищем, что просим у Господа, можем получать по своей вере различные дары. В разные эпохи народ церковный, понимал это таинство по-разному и просил разное. Очень важно уяснить эволюцию понимания и совершения таинства.

Таинство покаяния принадлежит к числу тех таинств, которые в наше время в наибольшей степени профанируются.

Всякое таинство велико, бесконечно глубоко, всякое таинство соединяет нас с Богом, сообщает нам бесконечную, новую жизнь, сокровенную духовную перспективу. В этом смысле всякое таинство всеобъемлюще и непостижимо.

Отсюда и название: «таинство»: оно таинственно, непостижимо для разума человека, оно постигается сердцем в той мере, в какой сердце расширилось. Но таинство покаяния имеет и еще особую трудность – человеческую, потому что в нем человек должен покаяться. Это здесь главное.

В любом таинстве требуется, чтобы человек шел навстречу Богу. В любом таинстве требуется духовная активность, но здесь в особой степени. Здесь нужно, чтобы человек покался, увидел себя, захотел измениться, переродиться.

В наше время таинство покаяния стало более трудным для понимания, чем когда-либо. Хотя всем нам известно: вот исповедь, она имеет цель очистить совесть кающегося грешника, все кажется ясным. На самом деле эта ясность именно кажущаяся. В действительности почти не встречаются сейчас люди, которые могли бы как следует объяснить, что же здесь должно быть и как все нужно правильно понять. Причем не только кающиеся не понимают, но и многие священники не понимают.

Существует богословское объяснение таинства крещения, очень много написано о Евхаристии, очень много говорилось о браке, много о священстве сказано. Но о таинстве покаяния написано явно мало.

Таинство покаяния является неким центром, в котором духовник встречается с пасомыми и имеет возможность (и должен) заглянуть в самые сокровенные уголки души человеческой, где он должен научиться помогать человеку раскрыть себя до конца, раскрыть себя пред Богом и перед духовником, ничего не утаивая, преодолевая всякое лукавое, лицемерное, стыдливое желание

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org что-то скрыть, оставить тайным. И в момент такого совершенно особенного самораскрытия, откровения своей души, которое, конечно, требует максимального доверия, священник получает возможность руководить душой кающегося, потому что кающийся приходит и вручает свою душу священнику. Он поступает так, как поступает больной, который идет к врачу. Часто мы боеем, но к врачу идти не хотим, надеемся, что как-нибудь переживется болезнь, как-то поправимся сами. Бывают такие болезни, с которыми особенно неприятно обращаться к врачу. И вот человек оттягивает этот момент, надеется, что как-нибудь обойдется, но болезнь не проходит. И приходится идти, и врач требует выполнения самых неприятных процедур. Человек должен подчиниться, сделать над собой насилие, ради того, чтобы победить болезнь, остаться живым. Нечто подобное происходит и в таинстве покаяния: больной вручает себя, в конце концов, в руки врача, хирурга, ложится на операционный стол, сознавая, что достаточно только дрогнуть руке, и он умрет, но, тем не менее, вручает себя врачу, идет на риск в надежде, что хирург будет добрым врачом, что Бог ему поможет, что он его исцелит.

Однажды мне рассказали, как оперировали двух одинаковых больных. Одна больная перенесла тяжелую операцию и поправилась от смертельной болезни. А когда оперировали вторую, у хирурга дрогнула рука, и он разрезал чуть больше. И хотя больная сразу не умерла, она начала тяжело болеть и умерла через месяц. Этот случай для нас очень показателен. Все это, в каком-то смысле, совершается и на исповеди. Духовник оказывается здесь сразу и терапевтом, и хирургом, и очень часто психиатром, и, конечно, он прежде всего должен быть духовным врачом. Именно врачом. Кающийся приходит и вручает свою душу ему. От того, в какой степени кающийся вручает свою душу, зависит многое.

Есть разница между врачом телесным и врачом духовным. До того, как оказался больным во врачебном кабинете, он, может быть, не думал, что ему велят сейчас, например, глотать какую-то кишку, и таким образом обследовать все его внутренности. Он этого не знал, но, когда пришел, ему сказали: «Нет, ты отсюда не выйдешь, тебя нельзя отпустить, ты иначе умрешь, необходимо...» Его можно уговорить, а можно и принудить; бывает, что родственники госпитализируют насильно тяжелобольных, а врачи усыпляют и делают очень тяжелые операции человеку, который не знает своего диагноза...

И на исповеди может встретиться нечто подобное, но здесь труднее. Здесь никак нельзя обойтись без воли кающегося. Все определяется его волей, его верой. И в руках духовника нет средств насилия, он должен быть искусен настолько, чтобы убедить, расположить кающегося не уйти, не остаться таким, как он есть, больным, а начать духовное лечение. Духовник должен уметь воздействовать на приходящего к нему так, чтобы поставить с должной глубиной проблему духовной болезни, должен дать почувствовать, ее опасность. Здесь требуется дар, который есть не у всех. Здесь требуется определенный опыт общения с людьми и особенная способность к контакту, умение внушить к себе доверие.

Но более всего здесь требуется духовность. Необходимо, чтобы духовник был бы действительно обращен к Небу, к Богу в такой мере, чтобы приходящий сразу же чувствовал реальность духовной жизни. Чтобы он рядом с ним почувствовал, что тут открывается совершенно новая и самая главная сторона его жизни. Нужно, чтобы он своей молитвой, своей жизнью мог привлечь благодатную помощь. Поэтому-то самыми лучшими духовниками всегда были святые люди – не психоаналитики, психиатры и психологи, которые занимаются «службами доверия», дают советы, разбираются в психических состояниях человека. Не они оказываются самыми лучшими врачами духовными, а именно святые люди, которые действуют иными методами, имеют благодатные дары, умеют молиться и умеют призвать Бога на помощь и явить эту благодатную Божественную силу немощному и страждущему человеку.

Очень часто бывает так: в больницу приходит человек, по виду вполне здоровый и даже цветущий, он, скажем, подвернул себе ногу. А ему говорят: «Вы давно не были в поликлинике. Вам нужно пройти такую-то диспансеризацию, обследование». Он этого не хочет, чувствует себя здоровым, но его принуждают. И вот после того, как его обследуют, оказывается, что у него рак, о котором он ничего не подозревает. Думая, что он вполне здоров, он собирается ехать в горы путешествовать. А ему говорят «Нет, Вам нужно срочно лечь в больницу, обследоваться, нужно срочно делать операцию, нельзя откладывать. И, конечно, в горы Вы никуда не поедете в этом году, даже если операция пройдет благополучно».

Нечто подобное происходит на современной исповеди: приходят люди, которые хотят почему-то жить церковной жизнью, начать церковную жизнь или продолжить ее, но не потому что они сознают себя смертельно больными. Очень часто к священнику приходят страдающие люди, но часто бывает и не так. Человек хочет исповедоваться, причащаться, жить церковной жизнью. Но он совершенно не умеет каяться по-настоящему, не понимает, что он грешен, не чувствует своих грехов. Такой человек ограничивается формальной исповедью. Вот здесь священнику легче всего сказать:

– Ну хорошо, никаких особенных грехов нет у тебя, ты ничем не грешен, прощаю, разрешаю, иди, причащайся. Слава Богу, что ты никого не убил, не украл.

При том как на приходах священники бывают загружены, это вполне естественно. Но, к сожалению, бывает часто, что именно вот этот-то человек находится в наибольшей опасности. Потому что в нем есть застарелая и тяжелая болезнь, смертельная, духовная болезнь окамененного нечувствия, которая может привести его к духовной гибели гораздо раньше, чем он думает, которая может помешать ему прийти в следующий раз. Выявить эту болезнь и убедить больного каяться – это большой труд, это большое умение, требующее большой любви и внимания духовника.

Но, в конечном итоге, на исповеди дело сводится к тому, что человек лишь называет свои грехи. Сами по себе грехи являются только лишь следствием какой-то греховной работы, которая совершается в душе человека. Грехи – это некие плоды на злом дереве греховной жизни. Вот, например, растет какой-нибудь ядовитый куст, и на нем появляются ядовитые ягоды, но если даже мы их оборвем, а куст оставим, то на следующий год появятся такие же ядовитые плоды, то есть мы скорее всего ничего не изменим в душе человека, только лишь прощая и разрешая уже совершенные им какие-то злые поступки. Задачей духовника является изменение души кающегося, нужно исторгнуть корень греховный, но сначала нужно его найти.

Таким корнем, как нас учат святые отцы, являются страсти. Систематизация этого учения о страстях дана нам во многих святоотеческих творениях. Примерный их список я приведу: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Можно расставить эти страсти в другом порядке. Можно говорить еще о сластолюбии, о зависти, о раздражительности, о честолюбии, но, в общем, это варианты или родственные страсти, которые могут быть по-разному называемы.

Учение о духовной жизни человека нигде не дано в такой удивительной и благодатной полноте, как у святых отцов Востока. И каждый христианин, желающий жить духовной жизнью, и тем более каждый пастырь, должен обязательно не только быть знаком со святоотеческой аскетикой, должен постоянно быть в общении со святыми отцами, постоянно читать их, для того чтобы их восприятие духовной жизни было живо в его сердце. И не только читать, но и следовать им сам, жить духовной жизнью, на личном опыте знать то, о чем говорят святые отцы. Тогда он сможет кающемуся сказать: «Да, грех, совершенный тобой, очень (а может не очень) тяжел. Но важно не только покаяться в этом грехе, в этом совершенном тобой преступлении или какой-то ошибке – гораздо важнее еще покаяться в той страсти, которая этот грех произвела и производит постоянно, которая стала для тебя опасной болезнью. Нужно понять, что именно эту страсть нужно искоренить из твоего сердца и в этом смысле изменить свою душу, свою жизнь. Только тогда в твоей духовной жизни будет движение вперед, тогда ты приблизишься к Богу».

Что же такое страсть? Страсть – явление духовное, т. е. не поддающееся до конца рациональному объяснению. Духовное выше душевного, душевное тоже очень часто бывает иррациональным, и поэтому все здесь объяснить невозможно, понять умом невозможно, но можно многое понять сердцем имея опыт.

Исходя из учения святых отцов, можно сказать, что все страсти действуют в сердце человека неким таинственным образом, подменяя собой ту естественную духовную деятельность души, которая предусмотрена промыслом Божиим при сотворении человека.

Типичным примером страсти является алкоголизм. Вы знаете, что в Псалтири сказано: «Вино веселит душу человека». Вино есть тот прекрасный напиток,

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org который избран Христом для самого главного таинства – таинства Евхаристии. Это тот чистый и прекрасный напиток, который употребляется в литургии и прилагается в Кровь Христову. Что может быть выше этого? Вино употребляется и в обычной человеческой жизни, когда собираются гости, когда бывает праздник, и все знают, что вино – это непременно угощение на всяком празднике, и в этом ничего плохого нет. Но можно такое употребление вина подменить алкоголизмом, можно сделать влечение к вину болезненным, неестественным, и даже противоестественным. Тогда человек начинает постепенно воспринимать вино уже иначе, он уже не выбирает вино высокого качества, ему важно, чтобы оно было покрепче, ему важен алкоголь. Вот он уже хочет только водки, только спирта. В конце концов, ему уже все равно, что это, чистый спирт или что-то другое, он готов уже пить чуть ли не лак. Лишь бы только напиться и быть пьяным, лишь бы ощутить в себе действие алкоголя. Разве это то, что, скажем, испытывают люди, когда они приходят на праздник в гости, и им наливают бокал вина? Конечно нет. Тут происходит подмена. И вот оказывается, что такой пьяница за бутылку водки готов отдать свою работу, потерять свою семью, он пропивает все на свете: и жену, и детей, и свое положение, все свои деньги, начинает воровать, ему грозит тюрьма, наконец, человек перестает есть, потому что не на что ему есть. Но не перестает пить. Бывает часто, что такие пьяницы доходят до крайнего истощения, валяются в канавах, но каждый день находят себе правдами или неправдами бутылку вина, без которой они уже жить не могут.

Удовлетворение страсти делается потребностью человека, извращенной, даже более сильной, чем естественные потребности. Вот что удивительно. Это уже подмененная природа, похожая на рак, когда естественные клетки человеческого тела подменяются другими видоизмененными клетками. Они начинают расти быстрее, чем обычные. И прорастают в естественные органы, заменяя естественную плоть человека. Стенки органов, сосудов делаются болезненно измененными, раковыми. Они еще исполняют какие-то функции, но уже несут в себе смерть. Такая подмена нормальной жизни, естественной плоти болезненными тканями приводит рано или поздно к смерти.

Так действует и всякая страсть. Она подменяет собой естественные свойства души человека и делается тогда новой, болезненной, извращенной тканью этой души, которая начинает жить страстями, вместо того, чтобы жить правильно, духовными своими потребностями, духовными влечениями. Снятые отцы говорят, что всякая страсть является действием неких демонов, бесов в человеке. Такая подмена происходит всегда по приращению бесов.

Человек в нормальном своем состоянии живет благодатью Божией, живет Богом. Может случиться, что уйдя от Бога, человек начинает жить какой-то темной «благодатью». Ощущая невозможность жизни без благодати, он может подменить ее, жить этой темной силой. И вот эта приразившаяся темная сила, входя в него, меняет его состав, изменяет нормальные ткани, подобно тому, как отравленный воздух, войдя в человека, начинает менять в нем все: клетки, кровь, и все это постепенно может стать раковым.

Так действует страсть. И если эту страсть в себе вовремя не увидеть, не начать с ней бороться, то она рано или поздно разовьется в человеке до ужасных размеров и станет грозить жизни человека, только уже не телесной, а духовной.

Надо сказать, что действия страстей, как всякий порок, имеют удивительную закономерность. Они сначала действуют таинственно и духовно, затем, на определенной стадии, такая страсть начинает менять душу человека уже на эмоциональном, на душевном уровне. А потом уже меняет и телесную жизнь. Например, алкоголизм. Сначала это страсть, и человек ни о чем не способен думать, кроме как о том, чтобы выпить, но он еще здоров. Потом наступает болезненное состояние, потом белая горячка, потом цирроз печени. И так любая страсть.

Таким образом, страсти – это есть жизнь с бесами. И поэтому очень часто святые отцы говорят прямо, что в человеке действует бес блуда, бес винопития, бес чревоугодия. Очень часто они не считают нужным даже оговариваться, где страсть, а где бес, потому что по смыслу это одно и то же. Страсть – это некое бесовское действие. Мы, как вы знаете, иногда называем людей одержимыми бесами, бесноватыми. И делаются даже попытки отчитывать, изгонять бесов. Святые люди умели это делать.

Учение о духовной жизни, о страстях говорит, что всякий человек,

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org подверженный действию страсти, является бесноватым, в какой-то мере одержимым. Только мера этой одержимости разная. Если страсть поселилась в сердце человека, принуждает этого человека следовать себе, значит человек стал уже одержимым в какой-то мере. Значит он над собой уже не властен, он исполняет волю бесовскую. Сами понимаете, что это есть очень страшный путь, это путь гибели, путь духовной смерти, и священник, духовник обязан, как врач духовный, помочь увидеть в себе страсти каждому приходящему к нему, должен указать на эти страсти, научить бороться с ними, убедить кающегося в том, что это необходимо. Как врач, увидев в человеке нездоровый цвет лица, может сказать: «Знаете, вам надо провериться. У вас, может быть, туберкулез». А другому скажет: «Вам нужно проверить Вашу печень, может быть у вас камни в желчном пузыре». Понять, увидеть, исследовать душу человека, объяснить кающемуся его положение и дать ему средство лечения – долг священника.

В наше время на исповеди очень редко все это происходит. Как правило, исповедь превращена у нас во что-то иное. «Прощаю, разрешаю», даже и молитвы разрешительной священник не может всем прочитать. Один очень достойный священник мне сказал:

– Что вы, разве можно прочитать всем разрешительную молитву, язык сломаешь.

Я спросил:

– Как это: сломаешь?

– Ну как, разве Вы не знаете, у пожилых священников почти всегда, есть какая-то такая скороговорка, они не могут выговорить уже какие-то слова, доходят до какого-то момента, говорят эту самую скороговорку и дальше. Он уже сломал себе язык, он не может уже говорить, потому что тысячу раз повторяет одну и ту же формулу, всегда спешит, и возникает просто какое-то заикание от этого.

В обстановке такого «ломающегося» языка проходит очень часто наша церковная жизнь и наша исповедь. Тем не менее, если мы не будем знать, как должно быть, то мы никогда не будем исправляться и никогда не будем стремиться в нужную сторону. Мы так и уйдем неизвестно куда, если никто нам не подскажет, где же единственный, истинный, правильный прямой путь.

Говоря об исповеди, нужно сказать, что разные грехи, разные страсти требуют совсем разного лечения и разного подхода. И здесь уместно будет сказать о том, что называют типологией грешников. Никогда нельзя схематизировать людей и нельзя всех людей разделить на какие-то точные группы: тот такой, тот сякой, пытаюсь расставить всех по полочкам. Но все-таки, как можно систематизировать болезни, так можно и здесь найти какие-то градации, которые будут помогать пастырю ориентироваться в том людском море, которое очень часто грозит его поглотить.

Итак, имея в виду типологию грешников, можно сказать: совершенно особенную часть в пастырской работе представляют собой дети. Многие из вас имеют своих детей, некоторые из вас являются педагогами, вы сами понимаете, что к детям нужно иметь особенный подход, особенный опыт работы с детьми. Дети на исповеди – явление радостное и в то же время очень трудное. Радостное, потому что у них, слава Богу, нет тяжелых грехов, как правило, у маленьких детей нет еще таких сильных страстей, хотя очень часто бывают уже весьма развитые страсти. Даже если у них уже очевидно действуют какие-то страсти, все-таки проступки иногда больше вызывают улыбку: ребеночек подходит и кается, говорит, что он тяжело согрешил, маму не послушал, что-то такое сделал «не то». Иногда после ужасных исповедей, которые приходится слышать, приходит чувство облегчения и радости, что есть еще такие чистые детские души, в которых, в общем, все хорошо. Но ведь нельзя же ребенку это сказать. Нельзя сказать:

– Ты, милый, иди, все у тебя хорошо, исповедоваться тебе не в чем.

Нужно найти с ребенком общий язык, это не так-то просто. Очень часто люди начинают притворяться, разговаривать с ребенком на каком-то фальшивом «детском» языке, начинают как-то подделываться под детскую психологию и стараются таким образом создать иллюзию взаимопонимания. Дети же, имея чистую душу, очень чутки ко всякой фальши. И священника, который фальшивит, они не примут. Такой священник этому ребенку не поможет. Он не внушит ему

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org доверия. Или создаст в его душе образ чего-то совершенно неправильного, лживого, образ очень опасный и вредный в дальнейшем.

Священник должен быть всегда простым, должен быть всегда самим собой со всеми людьми. Но с детьми в особенности. Он должен не подделываться под какого-то товарища, не заигрывать с маленькими, как это бывает во время детских игр. Он должен быть совершенно серьезным, он должен быть отцом или дедушкой, должен говорить с ребенком, как взрослый с маленьким. Но говорить понятные для ребенка вещи. Ребенку не нужно никакое умствование, ему не нужны какие-то очень сложные объяснения, но ему нужно просто и серьезно объяснить, что плохо в его жизни, нужно чтобы он почувствовал, понял, что так поступать плохо. Но еще важнее гораздо, чтобы он почувствовал в священнике, духовнике, любовь, почувствовал то тепло, тот свет, который дает благодать Божия.

Умом он этого не поймет, но если сразу почувствует, то для него священник станет любимым существом, и он всегда захочет прийти и сказать все, что плохого он сделал, и все сердцем своим почувствует, хотя ничего, может быть, и не осознает. Тогда ребенок будет каяться со слезами, и будет исправляться, и будет трудиться, и будет стремиться к тому, кто к его душе прикоснулся теплой и любящей рукой. С ребенком в этом смысле гораздо проще, чем со взрослым. Тут не нужно много объяснять, если есть настоящая любовь. Если же нет любви, если же нет у священника возможности войти в жизнь ребенка, то ничего не выйдет. Тогда исповедь будет напрасной и, возможно, вредной тратой времени. Все может превратиться в формальность и ребенок не поймет, но почувствует, что в церкви от него требуется какой-то формализм. Он будет относиться к этому, как в школе дети относятся к надоедливой «училке»: ну нужно арифметику сделать, урок какой-то ответить... На самом деле этот ребенок убежден, что никакая арифметика ему не нужна, потому, что это убеждение вселил в него учитель, потому что он учителю не нужен. А раз он учителю не нужен, то значит ему не нужно и все то, что этот учитель с собой приносит. Пусть это будет арифметика, пусть это будет чтение или рисование, все равно, все не нужно.

Такая схема действует и здесь. Если ребенок не почувствует, что он священнику нужен, что он священнику дорог, что священник его любит, тогда все, что священник будет говорить, или делать, даже церковь, храм будут не нужны ему.

Сейчас особенные трудности с детьми, потому что есть дети, которые приходят в церковь из неверующих семей. Они с рождения воспитывались без веры в Бога. Нужно их всему научить, и очень часто оказывается, что ребенок в своей семье совершенно одинок. Он в семье не может ничего ни у кого узнать, ни у кого ничего спросить, а потом, подрастая, он начинает учить своих родителей вере. Это бывает сейчас очень и очень часто. И, конечно, такого ребенка священник должен в особенности укрепить, ибо он один перед взрослыми. Вот и папа, мама и бабушки с дедушками его отпускают в церковь. Но, когда он приходит из церкви и говорит, что нужно поститься, а они не понимают зачем, когда он говорит, что нужно молиться, или начинает молиться, эти бабушки или родители смотрят на него, как на сумасшедшего и начинают: «Больше не будешь ходить туда, что ты делаешь?» Как ребенок устоит перед взрослыми, перед авторитетом родителей? Как он устоит, как он отстоит свою веру, то, что он принес из церкви? Только в том случае, если священник поддержит его, если войдет в его жизнь и даст ему свою силу, даст ему необходимый авторитет, если он внушит ему доверие, веру, если ребенок сможет сказать: «Нет, вы не знаете, а вот батюшка лучше вас знает». Вот если он это сможет почувствовать и сказать, то тогда он выдержит. Священник должен ему в этом помочь своим поведением, своей любовью.

Но гораздо более трудные проблемы встанут в другом случае: когда дети вырастают в семье верующей. Вот это проблема, с которой я не умею справиться. Это, возможно, самое трудное и актуальное для нас.

Детям, воспитанным в верующих семьях, со временем надоедает то, что им предлагают родители. Родители и священник должны быть к этому готовы. Привыкнув ко всему церковному, как к обычному, обыденному, как к тому, что навязывается старшими наравне со многим другим, что делать неприятно, неинтересно, но нужно, они начинают не вполне осознанно отвергать все это. У таких детей начинает проявляться какая-то центробежная энергия. Они хотят чего-то нового для себя, они хотят постичь какие-то неизведанные ими способы жизни, а все, что говорит мама, или бабушка, или отец, – все это

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org уже кажется пресным. Такие дети очень легко находят недостатки у церковных людей, которые начинают казаться им ханжами, скучными моралистами. Они очень часто в церковной жизни уже не видят ничего достаточно светлого. Такой вектор, такая направленность из церкви делает их по существу не способными воспринимать благодать Божию. Участвуя в таинствах, даже в причастии Святых Христовых Тайн, по существу говоря, они ничего не переживают, они оказываются, как это ни странно, в детском возрасте малоспособными переживать причастие Святых Христовых Тайн как соединение с Богом, как встречу с Богом. Для них это одно из привычных, воскресных, праздничных состояний. Для них церковь часто становится клубом, где можно встретиться и поговорить друг с другом. Они могут здесь о чем-то интересном сговориться, дождаться с нетерпением, когда же кончится служба и они вместе побегут куда-то по секрету от родителей в мир окружающий, во всяком случае не церковный.

Иногда бывает хуже: им нравится шалить в церкви, даже и такое бывает, или подсмеиваться над разными людьми, которые здесь в церкви находятся, иногда даже над священниками. Если они что-то умеют, если занимаются в церковном хоре, то они с большим удовольствием будут обсуждать, как поют сегодня и – без конца и края всякие насмешки над хорами, над разными певчими, кто как поет, кто что-то слышит, кто что может, кто что понимает. Они всегда чувствуют себя маленькими профессионалами, которые способны оценить все это. И в таком зубоскальстве, у них может пройти вся литургия и вся всенощная. Они совершенно могут перестать чувствовать святость Евхаристического канона. Но это не помешает, когда вынесут Чашу, стать первыми, или, может быть, не первыми, наоборот пропустить маленьких вперед и очень чинно подойти к Чаше, причаститься, потом так же чинно отойти, и через три минуты они уже свободны, все уже забыли и опять предаются тому, что интересно по-настоящему. А момент причастия Святых Христовых Тайн... это все для них привычно, все известно, все это мало интересно.

Легко научить детей выглядеть всегда православными: ходить на службы, сначала к Чаше пропустить младших, уступить место. Они все это могут делать, и это, конечно, хорошо. Приятно видеть таких воспитанных детей. Но это совершенно не означает, что они при этом живут духовной жизнью, что они по-настоящему молятся Богу, что они ищут общения с Богом. Это совершенно не означает устремления к реальному соединению с благодатью Божией.

Соответственно такому их образу жизни возникают трудности на исповеди. Ребенок, который с малолетнего возраста (с семи лет обычно), приходит на исповедь, причащается очень часто по традиции. Скажем, в нашем храме дети причащаются на каждой литургии, на которую их приводят или на которую они приходят сами. Фактически получается раз в неделю, иногда чаще. Исповедь для них бывает сначала очень интересной и вожделенной, потому что им кажется, что когда они будут исповедоваться, то это означает их некую взрослость, что они уже стали большими. И пятилетний ребенок очень хочет скорее начать исповедоваться. И первые его исповеди будут очень серьезными. Он придет и скажет, что он не слушается маму, что он побил сестренку, или что плохо сделал уроки, или плохо помолился Богу, и скажет это все весьма умильно, серьезно. Но очень скоро, буквально через месяц или два, окажется, что он к этому совершенно привык, и дальше идут целые годы, когда он подходит и говорит: «я не слушаюсь, я грублю, я ленюсь». Таков короткий набор обычных детских грехов, весьма обобщенных. Он выпаливает их мгновенно священнику. Священник, который замучен исповедью свыше всякой меры, естественно, прощает и разрешает его за полминуты, и все это превращается в ужасающую формальность, которая, конечно, ребенку больше вредит, чем помогает.

По прошествии нескольких лет оказывается, что для такого церковного ребенка уже вообще непонятно, что он должен над собой как-то работать. Он даже не способен испытывать настоящего чувства покаяния на исповеди. Для него не составляет никакого затруднения сказать, что он плохо сделал. Он это говорит совершенно легко. Так же, как если ребенка привести в поликлинику в первый раз и заставить его раздеваться перед врачом, то он будет стесняться, ему будет неприятно. Но, если он лежит в больнице и каждый день он должен поднимать рубашку, чтоб его слушал доктор, то через неделю он это будет делать совершенно автоматически. У него это не будет вызывать никаких эмоций. Так и здесь. Исповедь уже не вызывает никаких переживаний у ребенка. Священник, видя это, оказывается в очень трудном положении. Он не знает, как с этим бороться, что сделать для того, чтобы ребенок пришел в себя.

Бывают некоторые очень яркие примеры, когда ребенок уже не просто не слушается, ленится и обижает младших, – он вопиющим образом безобразничает. Скажем, в школе мешает заниматься всему классу, в семье он является живым примером отрицательным для всех младших детей и семью терроризирует просто откровенно. Потом начинает вести себя безобразно в обществе: ругаться, курить. То есть, у него появляются грехи, для церковных семей совершенно необычные. Тем не менее, как его привести в чувство, священник не знает. Он пытается с ним говорить, пытается ему объяснять:

– Ты же знаешь, что это нехорошо, это же грех.

Да, он давно все это хорошо знает, прекрасно знает, что это грех. Он даже на пять минут способен напрячься и сказать:

– Да, да я постараюсь, я больше не буду...

И нельзя сказать, что он лжет. Нет, он не лжет. Он на самом деле произнесет это привычным образом, так же, как перед обедом он может «Отче наш» прочитать более менее серьезно за одну минуту, но не больше. После того, как прошло это привычное «Отче наш», он опять живет вне молитвы. Так и здесь. Он может сказать что-то такое, чтобы потом его допустили к причастию, а через день, через два он возвращается на свои рельсы и продолжает жить так же, как и жил. Ни исповедь, ни причастие не дают плодов в его жизни.

Кроме того, священник замечает, что чем больше он, приходя в волнение, начинает разговаривать с этим ребенком более внимательно, более серьезно, тем быстрее исчерпываются его средства. И он выложит почти все, что может, а цели не достигнет. Ребенок все это «скушает» очень быстро и дальше живет так же, как и жил. Мы ему даем более сильные лекарства, он их все поглощает, но они не действуют на него. Он не чувствителен к этим лекарствам, он не воспринимает ничего. Это такая степень окаменения совести, которая просто поражает. Отказывается, с верующим ребенком священник уже не может найти никакого адекватного языка. Он начинает искать другой путь, он сердится на ребенка. Но как только он начинает сердиться, теряется контакт с ним вовсе. И такой ребенок часто говорит: «Я больше к нему не пойду, к этому отцу Ивану. Ну что он все время сердится и тут на меня сердятся и там на меня сердятся»...

Видите, эта проблема является одной из самых трудных для духовника. Здесь нужно очень крепко подумать, чего же тут требуется достичь, к чему надо стремиться. Мне кажется, что нужно стремиться к тому, чтобы как можно дольше оттянуть начало исповеди. Некоторые наивные мамы (таких очень много), если ребенок плохо себя ведет в шесть лет, говорят:

– Батюшка, поисповедуйте его, чтобы он уже начал каяться, может будет лучше.

На самом деле, чем раньше мы начнем его исповедовать, тем это хуже для него. Нужно помнить, что не зря Церковь детям не вменяет их грехи до семи лет (а раньше это было гораздо дольше). Дети не могут быть вполне ответственны за все так же, как взрослые. Тем более что их грехи, как правило, не смертные. Просто они плохо себя ведут. И лучше их допустить к причастию без исповеди, чем профанировать таинство покаяния, которое они не способны воспринять в силу маленького возраста по-настоящему.

Можно поисповедовать такого грешника один раз в семь лет, а потом в восемь лет, и еще раз – в девять. И как можно дольше оттянуть начало регулярной частой исповеди, чтобы исповедь ни в коем случае не становилась привычной для ребенка. Это не только мое мнение, это мнение многих опытных духовников.

Есть и другое очень важное ограничение. Может быть, таких детей, которые явным образом страдают привыканием к святине, нужно ограничить и в таинстве причащения. В таком случае лучше, чтобы дети причащались не каждую неделю, тогда причащение для ребенка станет событием. Я скажу вам о своем личном опыте. Когда я был маленьким (было еще сталинское время), вопрос стоял так: если я буду ходить в церковь постоянно, то меня обязательно увидят школьники, которые живут рядом, мои одноклассники, об этом сообщат в школу, и тогда, скорее всего, посадят моих родителей, а меня выгонят из школы. Я

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org вырос в верующей семье, и мои родители были верующими с рождения, среди наших родственников почти все сидели в тюрьмах, дед мой три раза сидел в тюрьме, в тюрьме и скончался: так что была реальная опасность, ходить в церковь часто было невозможно. И я помню каждый мой приход в церковь. Это было для меня великим событием. И, конечно, речи быть не могло о том, чтобы там шалить... Если хотите, я считанные разы в детстве ходил в церковь. Это было очень трудно, поэтому это был всегда огромный праздник. Я прекрасно помню, каким великим событием была для меня первая исповедь. Потом вторая (наверное, через год), в общем, за все свое детство я исповедовался несколько раз, как и причащался несколько раз за все свое детство. Много лет я просто не причащался или причащался крайне редко, каждый раз это нужно было выстрадать. Причастие Святых Христовых Тайн и во взрослом возрасте я переживаю как событие для себя великое. И никогда иначе не было. И, конечно, я благодарю Бога, что Господь не дал мне привыкнуть к святине, привыкнуть к церкви, к церковной жизни.

Как это ни странно, условия гонений, которые помешали очень многим быть верующими, были более благоприятны для тех, кто все-таки был в церкви. Сейчас не так. Скажу, что меня мама приучила молиться с самого рождения, как только я себя помню, я помню, что молился Богу каждый день утром и вечером. Я помню, что она учила меня читать «Отче наш» и «Богородице Дево», и я читаю эти молитвы почти до взрослого возраста. А потом еще «Верую» добавилось и несколько слов своих, когда я поминал близких, родных. Но вот такого: утренних молитв и вечерних – я не читал в детстве до довольно позднего времени, то есть, я стал их читать, когда захотел это сам делать, когда мне показалось, что моей молитвы недостаточно, захотелось посмотреть книги церковные, и я увидел там утренние и вечерние молитвы и сам их для себя открыл, нашел и стал читать по собственному желанию.

Я знаю, что сейчас во многих семьях все не так. Сейчас наоборот родители как можно раньше стараются своих детей заставить как можно больше молиться. И отвращение к молитве возникает в удивительно быстрые сроки. Я знаю, как один замечательный старец, прямо писал по этому случаю уже большому ребенку: «Не нужно столько молитв тебе читать, читай только „Отче наш“ и „Богородице Дево, радуйся“, а больше ничего не читай, больше ничего не нужно».

Нужно, чтобы ребенок святое, великое получал в таком объеме, в каком он способен переварить. В чем тут причина? Мою мать воспитывали в верующей семье. И она учила меня так, как учили ее. Она помнила свое детство и учила своих детей по памяти. Как это обычно бывает в жизни. А потом произошел разрыв непрерывности духовного опыта и несколько поколений выпало из церковной жизни. Потом они обретают церковную жизнь уже во взрослом возрасте. Когда приходят взрослые девушки или женщины, то им уже дают, естественно, правила большие, они каются по-настоящему. И когда они выходят замуж, и появляются у них дети, – они своим детям дают все то, что когда-то дали им, когда они пришли в церковь. Очевидно, так происходит. Они не знают, как воспитывать детей, потому что их в детском возрасте никто не воспитывал в жизни церковной. Они стараются детей воспитать так, как воспитывают взрослых. И это роковая ошибка, которая приводит к самым плачевным результатам.

Я прекрасно помню одну знакомую моей матери из близкой церковной семьи, у которой было много детей. И помню, что она своих детей с самого детства водила в церковь. Но как? Она приводила детей обычно к моменту причастия, или совсем незадолго до причастия. Они входили в церковь, где они должны были вести себя абсолютно благоговейно, там нужно было на цыпочках пройти, сложивши ручки, причаститься и сразу из церкви уходить. Она не давала им в церкви ни одного поворота головы сделать, ни одного слова сказать. Это святость, это святая святых. Вот это она прививала своим детям и они все выросли глубоко верующими людьми.

У нас теперь не так делается. У нас мамы хотят молиться Богу, хотят простоять всю всенощную, а детей некуда деть. Поэтому они приходят в церковь с детьми, здесь отпускают их, а сами молятся Богу. И думают, что детьми должен заниматься кто-то другой. И дети бегают по храму, вокруг церкви, безобразничают, дерутся в самом храме. Мама молятся Богу. В результате получается атеистическое воспитание. Такие дети легко вырастут революционерами, атеистами, людьми безнравственными, потому что у них убито чувство святости, благоговения у них нет. Они не знают, что это такое. Причем у них выбили самое высокое – святость в самом ее высоком выражении.

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
Даже церковь, даже литургия, даже причастие Св. Христовых Таин – уже ничто для них не свято. Каким еще авторитетом можно будет их потом поворотить к церкви, – неизвестно.

Вот поэтому, мне кажется, что очень важно детей ограничивать в их посещении Церкви, в количестве посещений, и во времени посещений. И, может, в причастии, в исповеди. Но это очень трудно, потому что как только мы начнем детей причащать без исповеди, поднимется возмущение, скажут: «Как это, разве можно без исповеди причащаться после семи лет?»

И вот дисциплинарная норма, которая введена была для взрослых, и которая тоже имеет в себе некоторую неправильность, для детей оказывается губительной. Нужно так повернуть жизнь детей, чтобы они свою церковную жизнь заслужили. Если уж не выстрадать, то заслужить. Нужно как-то потрудиться для того, чтобы было можно пойти в церковь.

Очень часто бывает так, что ребенок в церковь идти не хочет, но мама хватается за руку и тянет его за собой:

– Нет, пойдешь в церковь!

Он говорит:

– Я не хочу причащаться.

– Нет, ты будешь причащаться!

И вызывает этим уже полное отвращение ко всему у ребенка. Ребенок начинает кошунствовать и богохульствовать прямо перед Чашей и бить мать руками и ногами и рваться от Чаши. А должно быть как раз наоборот. Ребенок говорит:

– Я хочу причащаться!

А мать говорит:

– Нет, ты не будешь причащаться, ты не готов, ты плохо вел себя эту неделю.

Он говорит:

– Я хочу поисповедоваться.

А она говорит:

– Нет, я тебе не позволяю, ты не можешь идти в церковь, ты должен это заслужить.

Бывает, детей берут из школы, чтобы они пошли на праздник церковный. И вроде бы это хорошо и хочется, чтоб они приобщились к празднику и благодати Божией. У меня у самого дети, я сам так делаю, поэтому очень хорошо это понимаю. Но здесь есть опять-таки очень большая проблема. Это только тогда хорошо, когда ребенок это заслужит. А если он всегда может пропустить школу и идти на праздник, то для него этот праздник уже делается праздником потому, что он школу прогуливает, а не потому, что это, скажем, Благовещение, или Рождество, или Крещение, потому что ему сегодня не нужно идти в школу и готовить уроки. То есть это все девальвируется и профанируется беспредельно. И это недопустимо. Может быть, лучше, полезнее для души человека, для души ребенка, сказать:

– Нет, ты не будешь на празднике, ты пойдешь в школу и будешь учиться.

Пусть он лучше в своей школе плачет о том, что он не попал на Благовещение в храм. Это будет полезнее для него, чем прийти в храм и в храме совершенно ничего не ценить, ничего не чувствовать. Все должно в жизни ребенка быть переосмыслено с этой точки зрения.

Продолжение

И исповедь должна быть не столько уговорами, священник не столько должен стыдить, сколько он должен поставить все на свои места. Ему нужно брать на себя смелость вопреки родителям, сказать:

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
– Нет, пусть ваш ребенок в церковь пока не ходит.

Спокойно, не сердиться, не уговаривать, но сказать:

– Такие дети нам в церкви мешают. Пусть Ваш ребенок приходит в церковь, причащается раз в несколько месяцев...

Когда молодой человек хочет уклониться от армии, то и родители всячески пытаются его уберечь, спасти. А духовник говорит:

– Нет, пусть идет служить. Это для него будет полезнее.

Так и здесь. Ребенку нужно поставить суровые условия, чтобы он понял, что церковь для него – труднодостижимая цель.

На исповеди духовнику следует общаться с ребенком с большой любовью. Не быть занудным, строгим воспитателем, постараться донести до ребенка, что он его понимает, понимает все его трудности, должен ему сказать:

– Это все, конечно, так. Действительно тебе трудно, действительно ты не справляешься. Но это что значит? Это значит, что тебе не нужно причащаться каждую неделю. А раз так, то приходи через месяц или через два. Может быть, ты придешь по-другому.

Нужно с ребенком поговорить совершенно серьезно и заставить родителей все это поставить на свои места.

Церковь может быть лишь великим, радостным, праздничным и трудным переживанием. Церковная жизнь и исповедь должны стать для ребенка воделенными, чтобы ребенок общение со своим духовным отцом воспринимал как нечто очень-очень для него важное, радостное и труднодостижимое, очень долгожданное. Это будет так, если священник сумеет в нужный момент найти с ребенком личный контакт.

Очень часто приходится переживать переходный возраст, приходится дотягивать до 14, до 15, до 16 лет. Не всегда, но бывает так. Особенно с мальчиками, они бывают невозможными шалопаями, и с ними серьезно говорить просто невозможно. Нужно разумно ограничивать их пребывание в церкви и участие в таинствах. А потом наступит время, когда можно будет сказать:

– Ну вот ты теперь большой, ты вырос, давай поговорим серьезно...

И складывается какая-то общая жизнь с духовником, личные отношения на серьезном уровне, которые для подростка становятся очень ценными.

Все вышесказанное о детях можно резюмировать очень кратко. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы исповедь становилась для детей просто частью церковного быта. Если так случится, то это профанация, это очень трудно исправимая беда. Поскольку мы не всегда имеем возможность делать то, что нам кажется нужным, мы должны быть в общем русле, а у нас в церкви фактически допускается общая исповедь, можно объяснить ребенку, что если он знает, что у него нет тяжелых грехов, то в этот раз он должен довольствоваться разрешительной молитвой. Теперь перейдем к аналогичной проблеме со взрослыми. Для священника бывает большой-большой радостью, когда приходит какой-то грешник или грешница, после каких-то несчастий или жизненных катастроф, которые заставили их пересмотреть свою жизнь и обрести веру. Он или она приходит обычно с очень тяжелыми грехами и плачет у аналоя о своих грехах. И священник чувствует, что этот человек пришел покаяться по-настоящему, и вот сейчас, начинается его новая жизнь. Такое покаяние бывает для священника действительно праздником. Он чувствует, как благодать Божия проходит через него и обновляет этого человека, рождает его для новой жизни. Именно в таких случаях священник понимает, что такое таинство покаяния. Это действительно второе крещение, это действительно таинство обновления и соединения с Богом.

Такие случаи бывают, и не так уж редко. Особенно, когда приходят люди взрослого возраста.

Но потом человек становится обычным христианином. Он стал часто ходить в церковь, часто исповедуется и причащается, и со временем к этому привыкает.

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
А может быть, это тот самый ребенок, который вырос в верующей семье, а теперь стал взрослым. Может быть это какая-то хорошая целомудренная девушка. Хорошая, светлая, посмотришь на нее – загляденье. Но при этом она вовсе не живет духовной жизнью. Не умеет каяться, не умеет исповедоваться, не умеет причащаться, не умеет молиться. Она вычитывает какое-то свое правило, часто причащается, но при этом не умеет делать это как должно. Духовной работы у нее нет.

Такие люди, разумеется, не ведут себя как дети. Они не бегают по храму, не разговаривают и не дерутся.

У них есть привычка отстаивать все службы. Если с детства, то это уже довольно легко, это становится потребностью. И можно простоять так всю жизнь в церкви и быть хорошим человеком в общем-то. Ничего плохого не сделать, не убить, не наблудить и не украсть. Но духовной жизни при этом может и не быть.

Можно всю жизнь ходить в церковь, причащаться, исповедоваться и так ничего не понять по-настоящему, не начать жить духовной жизнью, работать над собой. Это бывает очень-очень часто. И, слава Богу, этому мешают скорби, которых довольно много в нашей жизни. Какие-то тяжелые переживания, даже тяжелые грехи, падения оказываются промыслительно допущенными в жизни человека. Недаром есть такая пословица: «Не согрешишь – не покаешься».

Оказывается, человек, который вырос в церкви, нередко для себя обнаруживает, что такое настоящее покаяние только тогда, когда как-то тяжело согрешит. До тех пор он тысячу раз ходил на исповедь, но никогда не понимал, никогда не чувствовал, что это такое. Это, конечно, не значит, что нужно желать, чтобы все впадали в тяжкие, смертные грехи. Это означает необходимость того, чтобы наша церковная жизнь была очень рельефной. Она должна быть обязательно чем-то трудным, чтобы человек начал внутренне работать. И задача духовника уследить за тем, чтобы человек работал, трудился, чтоб он не просто осуществлял какую-то свою привычную бытовую схему, отбывая какие-то праздники, какие-то службы. Нужно, чтобы у него была цель, чтобы он этой цели достигал. Каждый человек должен иметь свою программу духовной жизни.

Это очень трудно, особенно в наше время, когда священник фактически не может справиться с огромным количеством людей, которые приходят к нему. Вспомните, что до революции в Москве, которая была ограничена заставами, было 600 храмов и, соответственно, более 1000 священников. Сейчас в Москве, которая стала раз в десять больше, около 300 храмов и порядка 400 священников. Раньше в Москве был миллион жителей. Сейчас 10 миллионов. Конечно, возможности теперь у священника совсем другие. Он не справляется с таким огромным наплывом людей. И, тем не менее, нужно искать какого-то активного включения в жизнь каждого члена Церкви.

Для нашей Церкви это очень необычно, нетрадиционно. У нас уже, как правило, принято совсем другое: батюшка стоит у аналоя и слушает. А потом возьмет и скажет: «Ну так больше не делай, это нехорошо». Потом скажет: «Прощаю и разрешаю»... Ну, может, еще что-нибудь добавит, и все.

И даже старцы. Они, в основном, слушают, молчат и потом несколькими замечаниями как-то подправят и отпустят. Некоторая пассивность со стороны духовника у нас является традиционной. Нужно помнить, что у истинных старцев это была только внешняя пассивность. Настоящие старцы – это люди великого духовного подвига. Когда подходил к ним человек, они начинали прежде всего за него молиться, т. е. сразу же активно действовали духовно. И неизбежно включали этого человека в совсем другую, духовную жизнь. Каждый, кто был у старца Амвросия или у преподобного Серафима, остался с ощущением грандиозного события в своей жизни. Т. е. внешне пассивное поведение духовника не противоречило активному включению пришедшего человека в новую жизнь, здесь для него происходило откровение.

В наше время, когда духовник стоит на исповеди и к нему подходят его духовные чада у него цели поразить, удивить их, тут должна быть достигнута какая-то иная цель. Священник должен научиться хотя бы кратко, но так взаимодействовать со своим духовным чадом, чтобы тот шел на исповедь, в некотором смысле, как на трудный экзамен, когда мы идем и не знаем, удастся сдать или не удастся. Взаимодействие с духовником тут должно быть очень серьезным, глубоким:

– А как у тебя теперь – получилось или нет? В прошлый раз ты каялся вот в этом. Теперь ты можешь сказать, что преодолел свой злой навык? Получилось это или нет?...

Священник должен так научить исповедоваться.

Привыкание к святине, привыкание к исповеди – это одно из самых страшных зол в нашей церковной жизни. И происходит это потому что, во-первых, нет возможности, условий для правильной исповеди, а во-вторых, нет правильного понимания у нас, что такое исповедь для тех, кто живет церковной жизнью постоянной, кто часто причащается.

Есть такой подход – отменить исповедь, причащать без исповеди. На Западе именно так делают, во Франции, в Америке. Люди исповедуются раз в год или раз в пост, а остальное время причащаются без исповеди. Там попытались вернуться к древней норме, когда причащаться нужно часто, а исповедоваться редко. Вроде бы формально все правильно. И можно бы ждать, казалось, хороших результатов. Но нет. Получилось только хуже, потому что люди перестали исповедоваться вообще. Они теперь приходят на исповедь раз в год. Священник начинает их что-то спрашивать, а они говорят:

– Почему вы меня спрашиваете? Я ни в чем не грешен. Да ничего я такого не делаю. Что вы пристаёте ко мне с вопросами...

Может быть не такими словами, но таким, примерно, тоном. Человек уже не понимает вовсе, для чего нужно исповедоваться. Там совсем исповедь утрачена.

Оказалось, что вернуться к первым векам христианства механически невозможно. Дело в том, что в первые века был другой уровень духовности. Тогда были гонения. Если начать часто причащать и не исповедовать, то достигается совершенно новый и ужасный результат. Это не выход.

Но не выход и то, что мы сейчас имеем, потому что наша частая исповедь есть явление двадцатого века. Ее не было никогда в истории Церкви. В древней Церкви причащались часто, но исповедовались очень редко. Сначала это было раз в жизни: когда человек отпадал от Церкви через совершения какого-то тяжелого греха.

В последние века в России была введена обязательная исповедь как норма перед каждым причастием. И тогда стали причащать очень редко. Опять таки причастие раз в год, Великим Постом – это было событие. Нужно было говеть, неделю поститься, потом нужно было молитвы вычитывать, много канонов и акафистов и потом только приходиться к причастию. И для священника это было всегда трудно, но все-таки это случалось только в Великий Пост, а потом опять длинное время года, когда причастников фактически нет.

Есть еще священники, которые говорят в обычный день, выходя на исповедь:

– Почему столько причастников? Вы что, именинники что ли? Причащать буду только именинников.

Такая традиция еще жива.

Мы решили часто причащать, и не можем отказаться от усвоенной в России нормы перед каждым причастием исповедовать. Отсюда возникло совершенно новое явление: частая исповедь. Этого практически в истории никогда не было. К сожалению она приводит к профанации исповеди. Человек не может часто исповедоваться, потому что если он живет нормальной церковной жизнью, то частая его исповедь не может быть той исповедью, которая называется вторым крещением. Не может быть соединения с Церковью, если человек не отделился. Сам смысл этого таинства меняется, и возникает путаница. Наполнить эту частую исповедь содержанием можно только в том случае, если заменить ее откровением помыслов, которое имело место в древних монастырях и принималось как норма. Тогда это не было исповедью, помыслы принимал авва, который часто не имел священного сана. Это никак не было связано с причастием и не называлось таинством. Это был воспитательный момент, момент духовного роста. Сейчас нечто подобное привнесено в таинство покаяния, и часто дает сомнительные результаты.

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
Нужно найти выход. И выход виден только один. Не имея возможности отменить исповедь перед причастием, мы должны сохранить разрешительную молитву. Просить людей каяться в содеянных грехах, но не смешивать это с подробной исповедью.

С другой стороны священник должен следить за своими духовными чадами и исповедовать их в таком смысле:

– Как ты движешься в своей духовной жизни? Что есть у тебя нового? Ты работаешь над собой или нет? Если нет – то не о чем разговаривать. А если работаешь, то это должно быть видно.

Очень быстро здесь отсеиваются те, кто подменяют духовную жизнь, подменяют исповедь неизвестно чем. Остаются очень немногие люди, те, которые действительно трудятся, кто хочет и способен трудиться, кто хочет жить духовной жизнью.

Исповедь их довольно ясна, тут немного каких-то особенно трудных проблем. Тут священнику легко. Если человек трудится и старается, у него нет тяжелых грехов, но он будет каяться в каких-то своих грехах постоянно. И это покаяние его будет действенным. Оно будет давать результат. Будет видно, что он работает, что благодать Божия действует в нем.

Гораздо более трудным и мучительным для священника является другой случай, более распространенный. Когда человек духовной жизнью никак не может начать жить. Он пытается, он хочет, но он не понимает, что такое духовная работа.

В жизни церковной имеют место устоявшиеся обычаи, не всегда вполне согласные с правильным пониманием таинств, правильным пониманием духовной жизни, в некоторых случаях даже определенным образом вредные. Справиться с этой проблемой в два счета мы никак не сможем, потому что здесь мы имеем дело с долгой «церковной» практикой. Здесь обязательно мы столкнемся с определенным пониманием церковной жизни, которая уже сейчас стала как бы нормативной и несет в себе авторитет многих людей, имеющих высокий сан или определенный опыт церковной жизни. Все это очень и очень непросто. Но постепенно проблема эта должна решиться все равно, потому что должна разрешиться существующая нестабильная ситуация. Результатом этой нестабильности может стать разочарование, даже катастрофа, если мы не будем думать, не будем заранее стараться направить в нужную сторону развитие сегодняшней церковной жизни.

Духовник обязательно должен быть еще и педагогом. В какой-то степени он должен иметь педагогическое чутье, иметь педагогическую задачу. Отсутствие такого педагогического чутья, таланта, дара, знаний, опыта приводит к тому, что священник теряет духовных детей. Теряет их не только для себя лично, но и для Церкви. Они, может быть, останутся на долгое время, может быть даже навсегда, верующими людьми, но будут потеряны для Церкви. Таких людей было очень много в прошлом веке, на рубеже веков. Чаще всего это были верующие люди, которые всю жизнь немножко молились. Но они совершенно не понимали, зачем нужно ходить в церковь, зачем нужна литургия, зачем нужно причащаться, зачем нужно исповедоваться. У них был некий близкий христианскому моральный кодекс и абстрактное понимание того, что «Бог есть», некая религиозная идеология. Но не было никакой настоящей религиозной жизни, жизни церковной. Они потеряли ее, потому что эта жизнь сама себя скомпрометировала в дореволюционных учебных заведениях. Ведь очень часто в дореволюционных гимназиях и во всех закрытых учебных заведениях, в таких, как Кадетский корпус, или, например, Институт благородных девиц были домовые храмы. И все воспитанники и воспитанницы должны были постоянно принимать участие в богослужениях. У них был Закон Божий, и они должны были знать очень хорошо все дисциплины, которые предусматривались Законом Божиим. Очень часто они учились отлично и до старости помнили массу тропарей, знали службу, знали тексты Священного Писания. Но как только они получали диплом, и выходили из учебного заведения, так больше уже не ходили в церковь, потому что церковная жизнь была в их глазах скомпрометирована.

Можно дерзнуть сказать, что даже революция, со всеми ее трагическими последствиями, в большой степени была обусловлена именно расцерковлением русского народа. Расцерковлением, которое произошло в результате превращения церковной жизни в церковный быт, в результате снижения благодатной жизни, благодатного общения с Богом до отправления церковных

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org обрядов. Люди перестали ощущать, что значит «таинство», перестали в таинстве находить встречу с Богом.

Здесь, конечно, роль духовника, священника является ключевой. И ответственность его громадна. Горе тому священнику, который этого не понимает. Горе тому, который не ищет выхода из этой ситуации. Тому, кто легко соглашается на профанацию церковной, благодатной жизни в глазах ребенка или взрослого, и, подчиняясь потоку суеты, давлению времени и давлению окружающего мира, уступает свои позиции, горение сердца своего отдает в обмен на благополучие. Он как-то сводит концы с концами и поэтому соглашается поступиться самым главным.

К сожалению, даже хорошие священники очень часто оказываются в таком положении, оказываются в плену обстоятельств. Они не могут справиться с теми трудностями, которые создает время. Но нужно помнить, что священник, духовник, никогда не должен быть в плену. Он должен быть свободным, и рабом только Божиим, больше ничьим. У него должна быть свободная совесть. Он должен всегда говорить то, что думает, и делать то, что подскажет совесть. Он никогда не должен лукавить, лицемерить. Уже одно это привлечет к нему многие сердца и взрослых, и детей. Он должен всегда со всей искренностью, со всем горением сердца отвечать на сегодняшние вопросы, на ту духовную потребность, которая сегодня встает перед ним. Он должен услышать, увидеть смятенное сердце, детское или юношеское, и найти возможность дать ответ, протянуть руку, помочь. Это никогда не должно быть формальным.

Конечно, здесь не только священник, но и родители, в первую очередь, и учителя, и катехизаторы, все должны вместе стараться сохранить детское поколение для Церкви. В наше время эта проблема стоит чрезвычайно остро. Мы сейчас радуемся тому, что множество детей приходит в церковь. Но, уверяю вас, сохранить их для Церкви очень трудно, это требует великого подвига. И неудивительно, если потом окажется, что большая часть этих детей из Церкви уйдет, потому что того, что мы сейчас им даем в Церкви, для них совершенно недостаточно, это не вполне отвечает на запросы их души. Это не открывает им двери в духовную жизнь, не приводит их по-настоящему к Богу, а напротив, часто препятствует их движению вверх.

Проблемы, возникающие со взрослыми, сходны, но имеют свою специфику. Можно привести ряд характерных случаев, типичных для нашего времени.

Один из них – люди, пришедшие в церковь недавно. Приходит человек в церковь в первый раз. Это может быть молодой человек или молодая женщина, это могут быть и немолодые люди. Как правило, они очень мало знают. Как правило, они уже изуродованы безбожной жизнью, у них за плечами целый ворох страшных смертных грехов. Возможно, они согрешили блудом, воровством... Возможно, они тяжко оскорбили своих родителей, кого-то оклеветали, отрекались от истины, лгали. Возможно, они искали и находили какие-то ложные способы духовной жизни, увлекались колдовством, магией, спиритизмом... Возможно, эти люди, вступив в брак, изменяли мужу или жене, делали аборт. Некоторые из них просто опускались на дно, некоторые из них – пьяницы, наркоманы.

Естественно, что первая исповедь – чрезвычайно трудное дело для священника. Это действительно подвиг. Типичная ситуация: воскресный день (обычно такие люди приходят в воскресный день), в церкви множество людей. Как всегда, на исповедь отводятся очень мало времени. Начинается она во время часов и нужно как можно скорее исповедь закончить, по крайней мере, до выноса Чаши. Это не более полутора часов. Практически успеть поисповедовать всех невозможно. Если стоит сто человек, и по одной минуте исповедовать, то это уже час сорок минут. А там, может, не сто, а двести человек. Значит, нормальной исповеди быть не может. Что же делать духовнику? Теперь, как правило, духовник проводит общую исповедь, очень краткую, очень формальную. И я слышал сам, как маститые протоиереи, настоятели говорят:

– Все то, что я перечислил на общей исповеди, вы уже не повторяйте, пожалуйста; если у кого-нибудь из вас есть такой грех, который я не назвал, тогда вы можете сказать очень коротко. А остальные просто можете подходить, и, склонив голову, получать разрешительную молитву.

Священник успевает в таких условиях всех пропустить под епитрахилью, и они потом идут причащаться. Если среди таких людей окажется пришедший в первый раз, то очень велика вероятность, что больше в церковь он не придет, потому что он понял, что «все попы – обманщики», что здесь совершается профанация,

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org здесь формализм, здесь на самом деле никого не слушают, священнику говорить с народом некогда, может быть, и не хочется. Подойдет он совершенно формально под епитрахиль, потом также формально к Чаше, ничего не почувствует и уйдет.

Священник должен понимать, что поступая таким образом, он совершает преступление. Но можно поступить иначе, объяснив исповедующимся:

– Те из вас, кто причащался часто, недавно исповедовался, живет церковной жизнью и не имеет на совести тяжких грехов, пусть пройдут вперед и довольствуются краткой исповедью. Совсем краткой. Может быть, даже разрешительной молитвой...

Особенно это касается тех, кто хорошо известен священнику. Те же, кто имеет тяжкие грехи неисповеданные, или пришел вообще первый раз на исповедь, те ни в коем случае не могут довольствоваться такой краткой исповедью. Они должны подождать и с ними нужно поговорить подробно. И получается, что все те, кто пришел в первый раз или имеют на совести тяжкий грех, остаются. Естественно, они не успевают к Чаше, литургия кончается, а священнику приходится остаться или договориться о времени и поисповедовать их подробно.

Чрезвычайно важно, чтобы священник внимательно выслушал такого грешника, не осудит его. Чтобы грешник понял, что он духовника, который к нему отнесется с евангельской любовью, не осудит, примет с болью сердечной его исповедь и постарается ему помочь и помолится за него.

Очень важно, чтобы он почувствовал и понял, что такие грехи, как у него, не могут быть формально разрешены, что от него действительно требуется не формальное перечисление своих грехов, а покаяние. Нужно, чтобы у него было сердечное сокрушение, чтобы он действительно оплакал свое бедственное положение и захотел испросить у Бога прощение, чтобы он вернулся в Отчий дом и имел твердое намерение начать новую жизнь и больше не возвращаться к прежним грехам.

Священнику нужно с достаточной чуткостью помочь ему сказать все его грехи, не формально, не холодно, не законническим тоном выпрашивая:

– А ты это делала? А это ты делала?..

Он должен помочь открыть человеку свое сердце. Не просто назначить ему какую-то законную епитимию:

– Раз ты сделала аборты, тебя, значит 10 лет, или 15 лет не пускаем в храм. Или тебе сто поклонов каждый день.

Такие формальные епитимьи, у человека, пришедшего в церковь в первый раз, рожают в душе ощущение, что здесь, в церкви, действуют какие-то безумные фанатики, что здесь нет смысла искать врача духовного.

Нужно, чтобы епитимья была такой, которая поможет человеку покаяться, помолиться, почувствовать, и понять, что он согрешил, и если он потрудится, то может придти в церковь и начать свой духовный путь.

В наше время такими епитимьями часто бывают не наказания. Мы говорим обычно, что нужно прежде всего обязательно прочитать Евангелие. И очень часто я говорю, что нужно прочитать не весь Новый Завет, а четыре Евангелия и Деяния Апостолов, то, что легче прочитать. Послания Апостола Павла сложнее, их можно отложить, и в первый раз не требовать их прочтения. А вот четыре Евангелия и Деяния Апостолов может прочитать каждый. Иногда можно дать какие-то другие епитимьи, можно дать прочесть какую-то книгу, можно сказать, чтобы человек молился какой-то молитвой, короткой, понятной. Чтобы он делал по несколько поклонов. Это зависит от того, в каком состоянии находится его душа, как он воспримет эту епитимию. Нужно, чтобы он воспринял ее с радостью, чтобы ему захотелось ее исполнить, чтобы она не вызвала его протеста. Если удастся так сделать, если человек почувствует тепло, если почувствует любовь, если он почувствует, что Бог милостив к нему, что именно в Церкви он нашел эту милость, то он обязательно придет, обязательно исполнит и действительно начнет свою новую жизнь. Именно здесь священник более всего чувствует, что такое таинство покаяния. Здесь совершается то, что называется вторым крещением. Такой случай убеждает

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org священника, что таинство покаяния не ушло из жизни Церкви.

В течение определенного времени такой грешник (или грешница) приходит в церковь на крыльях радости, действительно начинает жить совершенно по-новому, с духовной жадностью читает церковные книги, начинает молиться Богу, причащается Святых Христовых Тайн, подходит к священнику с сияющими глазами. От того, что действительно началась новая жизнь, испытывает величайшее счастье. Это радостное время. Иногда приходится услышать:

– Вот я так молилась и молюсь, я так много чувствую всего, и вот молитва уже сама у меня творится в душе, может это действительно та самая умная молитва, о которой я где-то слышала (или читала), что вот я уже чувствую, как молитва у меня в душе все время продолжается.

Так бывает довольно часто, но это не потому, что человек стяжал умную молитву в сердце, а потому, что он находится в состоянии восторга, в состоянии особенного сердечного горения, когда все новое легко впечатляет его, легко открывается ему и воспринимается его сердцем с особой горячностью. Поэтому это все так легко получается. А потом неизбежно проходит время (разное для разных людей), иногда очень короткое, и начинаются церковные будни.

Здесь мы имеем дело с людьми, которые уже прочитали Евангелие, которые уже знают, что нужно часто причащаться, которые знают, что нельзя совершать смертных грехов, и, как правило, их не совершают. Не блудят, не воруют, не делают аборт, не пьянствуют, не колются наркотиками, не отрекаются от веры, не идут к разным экстрасенсам и колдунам и сами не занимаются спиритизмом. Можно сказать с удовлетворением, что уровень их нравственности значительно поднялся. Они теперь имеют такие запреты, ниже которых они не опускаются. Теперь они являются членами Церкви и живут церковной жизнью. Церковной, но благодатной ли жизнью?

К сожалению, часто оказывается, что молитва, которая сначала у них творилась в сердце, и время когда они молились очень радостно, и с таким горением, когда слезы лились из глаз при воспоминании о том, что они грешники, а вот Господь их простил и принял, когда хотелось начать новую жизнь, – все это ушло. И слезы больше не льются, и молитва прекратилась в сердце, и теперь уже не прочитать утреннее или вечернее правило: это стало в тягость. Евангелие читать уже не хочется и литература духовная их уже так как раньше к себе не притягивает. Даже сами службы церковные для них стали привычными, они приходят на них, отстаивают, потому что это нужно, но отстаивают формально, сердце их молчит. Они не молятся Богу, просто стоят.

Многие из них, может быть, пришли в церковь и стали в церкви что-то делать: одни стали уборщицами, другие сторожами, третьи за свечным ящиком стоят, четвертые стали преподавателями Закона Божия, некоторые певчими на клиросе. Они, возможно, заняли свое место в общине. Но горение сердечное ушло. Они об этом иногда вспоминают и тоскуют, но со временем привыкают, что нет его, и им кажется, что его и быть не должно. Время духовного рождения, детское время, вспоминается только с тоской, с сожалением. И как его вернуть – неизвестно.

Почему случается так? Потому что тогда, обратившись к Богу от безбожной жизни, пожертвовав какими-то своими страстями, пристрастиями, оторвавшись от привычной греховной жизни, они совершили подвиг. И этот подвиг сразу, немедленно дал свои богатые плоды. Теперь жизнь их перестала быть подвигом. Она вошла в определенную колею и стала бытом. Как только подвиг ушел из жизни, пропали и духовные плоды. Оказывается благодатная жизнь с Богом возможна только тогда, когда человек живет подвигом. Без этого подвига духовной, благодатной жизни нет. В чем же подвиг? Тогда это было понятно. Согрешил тяжело – надо каяться. Это подвиг. А теперь какой подвиг, когда нет тяжелых грехов?

Духовник должен объяснить, что теперь этот подвиг должен быть другой, это должен быть подвиг молитвы, смирения, любви, послушания, подвиг постоянной борьбы со своими страстями, со своей гордыней, тщеславием, честолюбием, властолюбием, раздражительностью и со всеми другими страстями. Должно быть постоянное внимание к себе, к своей духовной жизни, очень требовательное внимание. Нужно замечать каждый свой ложный шаг, каяться в нем, исправляться. Без такой духовной жизни, без духовного труда не будет благодати Божией в сердце человека. А более всего нужно смирение, потому

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org что «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Смирение – основа духовной жизни, смирение дается через послушание, через постоянное терпение скорбей, через постоянную победу над своей гордыней, над своим тщеславием, над своей обидчивостью.

Всему этому духовник должен учить каждый день, постоянно своих духовных чад. И вот оказывается, что это в каком-то смысле гораздо труднее, чем исповедовать впервые пришедшего тяжкого грешника, которого не надо учить, его надо выслушать с любовью. Он сам кается, он плачет, только нужно оказать любовь, выслушать. И совершается таинство, он открывает свою душу. А этот приходит и молчит. Или просто прочитает свои грехи, или записку дает, где написано: «согрешила празднословием, многоядением, раздражительностью, невоздержанием» и т. д. А некоторые хотят поисповедоваться получше, подробно говорят, что зашла в магазин и посмотрела на какую-то вещь с пристрастием, что маме сказала такое-то грубое слово, и еще что-то сделал или сделала. Одним словом, подробно-подробно следят за собой. И очень педантично все это говорят священнику. Все это есть. Но возникает вопрос – а есть ли покаяние?

Очень часто оказывается, что покаяния нет все равно. Человек все это так педантично проследил, донес до исповеди, получил разрешение у священника от всех этих грехов, но покаяться он не может в этом. Этот уровень его духовной жизни так и будет дальше его нормой, он на этом застрял, и дальше ни с места. Он оказался духовно ограниченным человеком.

Говорят в подобных случаях: одному дано жить духовной жизнью, другому не дано. Действительно, среди душевных талантов есть разные. Одним даны таланты, другим не даны. Человек может быть не способен к чему-то. И так он, каким родился, таким и умрет. Может и в духовной жизни так? И можно сказать, что да, конечно. Есть люди более духовно одаренные, и есть менее духовно одаренные. Есть люди, которым духовная жизнь понятней и легче дается, а другим труднее. Но учение Церкви говорит, что нет людей, для которых жизнь духовная невозможна. Она может быть трудна, но сама эта трудность, если ее преодолевать, даст человеку духовную жизнь. Это и будет подвиг.

Всякий человек может жить подвигом. Когда начинается подвиг, начинается духовная жизнь. Подвиг может иметь совершенно разные формы. Но все то, что человеку очень трудно, даже превосходит его силы, его естественные возможности – это и есть подвиг. Когда человек не может чего-то сделать, но с верой в то, что Бог ему поможет, устремляется навстречу этой трудности – вот это и есть подвиг. Как только таким подвигом веры, преодоления самого себя, своих страстей начинает жить человек, для него открывается духовная жизнь.

Все это священник должен уметь объяснить, показать. Но, увы, очень мало людей, которые хотят его послушать, последовать его нравоучениям. Подавляющее большинство тех, кто заполняет наши храмы, не хочет жить подвигом. Они об этом не говорят прямо, как правило. А иногда говорят. Но чаще просто молча не хотят. Хотя все объясняешь, говоришь много раз подряд, они, тем не менее, хотят как-нибудь самих себя обмануть, а заодно и священника. Причем так, чтобы это не было похоже на обман, чтобы успокоить свою совесть. Они хотят как-нибудь такие игольные уши найти, чтобы и подвига не было, и жизнь духовная была. Чтобы причащаться, исповедоваться, молиться, считаться православными, считаться хорошими, и в то же время – никаких подвигов. Это есть некий рубикон в жизни человека. От того поймет ли он его и захочет ли его преодолеть, зависит его духовное будущее. И большинство перед этим рубиконом останавливается и не хочет идти дальше.

Нельзя считать, что эти люди потеряны для Бога и для Царствия Божия, которым можно сказать: «Идите вы лучше отсюда домой» и все, конечно нет. Тут другое. Священник по совести может сказать:

– Вот вас тут тысяча человек, вы все называетесь моими духовными чадами. Но имейте в виду, что на самом деле среди вас могут быть только десять человек моих чад духовных, а эти 990 – мнимые чада, они духовной жизнью не живут.

Можно этого не говорить, потому что говорить бесполезно, а просто знать это для себя. Но гнать их священнику никто не давал права. Это не мои чада, но это чада Божии. И то, что не может сделать священник, может сделать Господь. Очень может быть, что такой человек всю жизнь будет барахтаться и

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org отказываться от подвига, а потом на самом краю жизни, какой-нибудь тяжкий недуг, рак заставит его начать духовный подвиг. И, может быть, в последнюю неделю своей жизни или три дня он вдруг очнется и покается, и Господь откроет ему врата Царствия Божия. А может быть, это будет и не три дня, а последние годы. Сегодня он оказывается таким ленивым, а завтра какое-то горе свалится на него, беда, трудности, и он вынужден будет пересмотреть все и начать жить по-другому. Это уже не от священника зависит. Священник может этого человека держать на плаву. Не гнать его нужно, но говорить:

– Ты не думай, что живешь духовной жизнью. У тебя духовной жизни нет.

Это ему надо засвидетельствовать, но не гнать его от Чаши, если он никаких смертных грехов не совершал. Нужно объяснять:

– Может так случиться, что ты причастишься себе в осуждение. Но это оставляется на твою ответственность, потому что ты же не слушаешься, ты живешь своим умом, своей совестью. Но если хочешь причащаться – причащайся.

Конечно, очень много случаев патологических. Их было всегда много, в этом нет ничего удивительного. В наше время их больше, чем когда-либо. Почему? Потому, что состояние греха – это патология, а не норма. Наша земная жизнь обычно – патологичная. И немногим из нас удастся эту патологию как-то преодолеть. Но она может быть страшна в большей или меньшей степени. Очень часто она бывает угрожающей. Часто церковная жизнь человека приобретает совершенно аномальные формы, тогда и жизнь священника делается исключительно трудной, иногда даже мучительной.

Простой пример. Очень хорошая прихожанка с детства водит своего сына в храм. Он верит в Бога, но когда достиг он восемнадцати лет, ему надоело жить церковной жизнью. И он, считая себя верующим, стал пьянствовать, иногда, может быть, воровать, блудить. И мама плачет над ним, уговаривает, тащит к бабушке, и он, по старой памяти, приходит и кается. Да, он согрешил, опять наблудил с кем-то. Священник его уговаривает, объясняет, и он кивает головой: «Да, да я все понимаю, я больше не буду». Священник дает ему епитимью, прощает, разрешает. Через какое-то время он причащается. Некоторое время держится, потом исчезает опять. Если месяц-два его нет, значит, опять покатился. Мама опять его приведет через какое-то время, и окажется, что он опять наблудил, опять напился, – опять все то же самое. И это может быть бесконечным. Смертные, тяжкие грехи, катастрофа.

Что тут делать? По древним канонам церковным такого грешника нужно отлучить сначала на семь лет, потом на пятнадцать лет от причастия, чтобы он стоял в притворе храма и в храм не входил. Таким образом жизнь церковная очищалась от подобных людей, в храме на литургии их не было. Теперь ни один священник, даже самый строгий духовник, не дерзнет человека отлучить от причастия на десять лет. И правильно сделает. Жизнь сейчас такова, что нет нравственной возможности давать такие епитимьи. Церковь, храм наполняется подобными патологическими людьми: пьяницами, блудниками, ворами, хамами, людьми, которые живут, все время выбираясь из грязи, а потом опять проваливаясь. Они как бы идут по болоту, с кочки на кочку прыгают, и опять проваливаются. То вылезают, то тонут, и поэтому надо их тащить. Их вытаскивают на кочку, и, некоторое время побывав на этой кочке, на следующем шаге они опять проваливаются. Какова судьба каждого из них? Утонет ли в этом болоте или вылезет чудом Божиим – никто не знает.

Что может здесь сделать священник? Только молиться и стараться быть снисходительным, с любовью прощать, разрешать, терпеть. Епитимии посильные давать. По большей части для таких людей ничто непосильно. Приходится отлучать их от причастия на месяц, на два, иногда на год. Но часто все приходится предать в руки Божии. Нет тут настоящего желания жить духовной жизнью. Это катастрофа, патология, которая раньше была исключением, теперь стала нормой. Таких людей стало очень много, храм наполнен этими людьми. Потому так часто бывает в храме тяжело, атмосфера греха, греховного сознания и состояния распространяется и действует на окружающих. Здесь нет настоящей веры, нет не только подвига, но даже желания жить чистой жизнью. Страсти в обнаженном виде, страсти, т. е. бесы. Это плененные бесами души. Иногда бывает, что бес чуть-чуть отпустит ее, как кошка мышку, для того, чтобы через мгновение снова схватить и снова душисть. И совершится ли такое чудо, что мышка убежит от своей кошки? Но помогать этим людям нужно, нельзя их отталкивать.

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
Для священника это очень тяжелый случай, потому что священник должен действовать как бы против совести. Он должен запретить, не допустить, потому что видит, что опять совершается профанация... Но нужно помнить и слова Христа: «Милости хочу, а не жертвы», притчу о неправедном управителе и оказывать как бы несправедливое снисхождение таким грешникам, молиться за них, надеясь, что вдруг как-нибудь Господь найдет способ спасти эти несчастные души.

Следующая патология имеет место преимущественно среди женщин. Это подмена духовной жизни жизнью душевной.

Окончание

Мужчины и женщины так созданы Господом, что они друг другу нужны. Мужскому сердцу необходимы женская любовь, женская ласка, женская мягкость, понимание. Именно женское. Никто не может так разделить скорби, трудности, как любящая женщина. Поэтому и существует брак. Точно так же и женщине нужна опора в мужчине. Нужны мужские свойства души – мужество, твердость, крепость, сила, мощь, независимость, бесстрашие. И поэтому закономерно, что мужчина всегда ищет спутницу жизни, а женщина ищет себе спутника. Это так устроено Богом. Но жизнь такова, что мужчине найти себе спутницу легче, чем женщине спутника. И многие из них не вышли замуж и не имеют настоящей семейной жизни, а если даже и вышли замуж, в семейной жизни получают одни только беды, страдания, обиды, и еще больше нуждаются в мужской поддержке, потому что муж стал мучителем, а не любящим помощником, не стал более сильной половиной, а стал тираном. Такие женщины очень часто приходят в церковь и в священнике ищут опору, компенсацию мужского начала. Это вполне закономерно, естественно, в этом нет ничего неправильного, плохого.

Священник может и должен дать женщине эту опору и может около себя приютить таких людей, помочь им жить, устроить их церковную жизнь. Но здесь возможна неправильность. Священник не может быть мужем ни для кого, кроме своей матушки. И не только в смысле плотском, но и в смысле душевном. Он может быть отцом, и это очень много. Часто женщины в отце получают опору мужского сердца. А в духовном отце еще гораздо больше, чем в отце по крови. Но непременно должно быть такое отношение, как у дочери к отцу. Это необходимо. Только такое отношение может быть законным.

Но женщины очень часто этого не улавливают или, не имея духовной осторожности, правильного понимания, движимые естественным, стремятся получить нечто большее, то, чего им не хватает в жизни. Они хотят, чтобы священник для них был не просто отцом, не просто духовником, а чем-то другим. Чтобы он восполнил в их жизни то, чего им не хватает. Здесь не имеется в виду тот крайний патологический случай, когда женщины просто влюбляются в священника. Такое тоже, к сожалению, бывает нередко. Но это случай совершенно патологический, который не хочется даже рассматривать. Он требует самого резкого отпора со стороны священника. Это просто тяжкий грех. Это принесение в церковь прелюбодейных, даже страшнее, чем прелюбодейных страстей. Когда женщина влюбляется в чужого мужа, это плохо. Но если она влюбляется в священника или в монаха, т. е. в того, кто обещал себя Богу, это гораздо хуже. В таких тяжелых случаях священнику нужно просто гнать от себя таких женщин. Но иногда можно объяснить, вразумить, поставить на место и помочь справиться с этим, так как это часто случается, не осознанно, не вполне серьезно.

Но я не об этом хочу сказать, а о том, что не доходя до таких крайностей, женщины очень часто стремятся устроить со священником такие душевные отношения, которые будут имитировать некую общую жизнь. Это не обязательно влюбленность, но это некоторый душевный комфорт. Они начинают требовать, чтобы священник обязательно уделял им внимание, чтобы с ними разговаривал, общался:

– А почему вы не спросили меня о чем-то, а почему вы мимо меня прошли, почему вы вот с той говорите долго, а со мной коротко? А почему вы так со мной суровы, я вам безразлична?..

Подобного рода переживания и чувства всегда означают, что у женщины к священнику отношения душевные, а не духовные. Она ищет в нем не духовника, а компенсацию своей неустроенной душевной жизни. Тут еще может не быть влюбленности, но всегда есть какая-то пристрастность.

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
Привязанность, вообще говоря, – это неплохо, вполне естественно любить своего духовного отца, это нормально. Это даже должно быть, и такая любовь может быть очень сильной, даже самой сильной в жизни человека – любовь к духовному отцу. Но важен характер этой любви. Нужно, чтобы это была любовь дочери к отцу. Нужно, чтобы это была любовь духовная, ради Христа. Любовь, которая видит в священнике посланного Богом учителя духовной жизни. Когда хочется смиряться, учиться, слушаться, когда есть готовность потерпеть даже суровое научение, строгий выговор, когда есть вера в то, что духовник тебя любит, о тебе молится, думает, и совершенно при этом не обязан тебе ничем, не обязан вести с тобой «приятные» беседы или что-то еще в этом роде. Такая любовь будет и хорошей, и плодотворной. А душевные отношения, особенно там, где начинаются обиды на священника духовно бесплодны и вредны, они означают прелесть.

Прелесть – это славянское слово, «лесь» переводится на русский язык словом «ложь». Прелесть означает самообман. Человек думает, что он идет по правильному пути, а на самом деле идет по ложному. Если его оставить на этом ложном пути, он может уйти и заблудится обязательно, погибнет.

Священнику здесь бывает очень трудно. Потому что долг подсказывает, что он должен одернуть человека, должен сказать:

– Нет, это совсем не то, что нужно. Ты должна совершенно иначе жить. И отношения должны быть совершенно другими.

Он говорит, а она обижается:

– Ну да, вот ей вы этого не говорите. Ее вы любите, а меня нет.

Она не требует, чтобы была влюбленность, но ей просто нужна душевная ласка, душевная любовь. Само по себе душевное – это не есть какая-то проказа, это не есть что-то такое скверное, обязательно плохое, вовсе нет. Человек имеет душу и тело. И эта душа может потом соединиться с духом Божиим, может начаться духовная жизнь в этой душе. Духовное очень часто начинается с душевного. Но начинается это именно в душе, в душевной жизни. Так что, как говорят духовники, душевное должно сочетаться с духовным, должно происходить преобразование душевного в духовное. А священник должен суметь перевести человека на правильные рельсы. Приходит человек и плачет, ему просто нужно душевное тепло. Ему нужно сказать:

– Ну, что ты так огорчаешься, приходи, я тебе помогу, скажу тебе что-нибудь...

И одно такое душевное слово человека преображает, меняет его жизнь, привлекает его. Оно нужно человеку, это законная потребность человека. Поэтому не надо думать, что плохо, если священник с таким душевным теплом обратился к кому-то. И если священник суровый и холодный, который только «духовно» любит и никогда до душевного не опускается, то это некий манекен, в жизни этого не бывает. И преподобный Серафим, и преподобный Сергий, и старец Амвросий, – они всегда умели это душевное тепло показать, сказать: «радость моя» и могли дать конфетку или там еще что-нибудь, ласково посмотреть на человека. Но это должно быть только началом. А дальше от душевной жизни, от душевных отношений, от душевной любви должен быть обязательно переход к жизни духовной. Когда пришел человек, движимый душевным чувством или душевной потребностью, то очень скоро нужно ему сказать:

– Ну, а теперь ты смирайся, вот теперь ты увидела, нашла Церковь, нашла церковную жизнь, новый путь. Теперь давай смиряться, трудиться, жить подвигом. Теперь я буду тебя не по головке гладить, а требовать, чтобы ты исправлялась.

И вот тут-то бывает, что человек доходит до какого-то рубикона и дальше идти не хочет. Особенно женщины часто дальше не хотят идти. Им нужна душевность и больше ничего, и они начинают коснеть в этом. Священника это начинает тревожить, он начинает требовать, объяснять:

– Так бессмысленно, бесполезно, это бесплодный путь.

А в ответ – одни обиды. В ответ – слезы, истерики, упреки, скандалы, иногда неприличные.

Есть много случаев, когда духовник не умеет выйти из этого положения, даже опытный, хороший.

Если духовные силы безграничны, потому что они даются Богом, питаются благодатью Святого Духа, и чем больше потребность, тем больше дается от Бога этих сил по принципу «рука дающего не оскудеет», то душевные силы священника ограничены. Он начинает изнемогать, не может больше так, наконец, сорвется и скажет:

– Убирайся вон. Больше не могу и не хочу, сколько это может продолжаться!

Требуется много мудрости, терпения, любви, подвига, чтобы не оказаться в плену душевных отношений, чтобы никого не прельстить, не обмануть, не потакать обману, но и не оттолкнуть человека так, что он уйдет в отчаянии и в церковь больше не придет.

* * *

Закончить эту тему, наверное, нужно разговором о том, что сейчас в жизни очень много душевнобольных людей. Во всем мире их много, у нас, в особенности. И, в особенности их много в Церкви. Куда идти душевнобольному человеку, если не в Церковь? Это его последнее прибежище, где он может рассчитывать найти милосердное к себе отношение. Это то место, где у него тоже может быть свое место. Во всех других местах ему отказывают, он там не нужен. А здесь он надеется, что Богу все нужно, и он тоже Богу нужен. Приходит и здесь ищет этого милосердия, ждет его. Эти люди могут в церкви найти себе какое-то применение, и трудиться с большой пользой. Но они при этом создают очень тяжелый балласт и болезненную атмосферу, которая ложится на плечи священника. Своими больными чувствами, больными душами они нагружают священника уже не как духовника, священнику в наше время нужно быть и психиатром тоже.

Очень многие психиатры теперь приходят в церковь и просят, чтобы священники им помогали. Они говорят:

– Мы можем дать лекарство, вывести человека из острого состояния. А потом мы же не можем вечно держать его в больнице. Куда его девать дальше? Пусть он идет в церковь. А вы должны в церкви его удержать.

И действительно, оказывается, что в церкви такие люди реабилитируются, находят способ жизни. Но они требуют очень большого внимания к себе, такта, больших сил со стороны священника.

Однако, среди них есть люди, которые больными себя признать не хотят. Будучи больными, они хотят чувствовать себя здоровыми, и не осознают свою болезнь. Это наиболее трудные случаи. Священник должен объяснить человеку, что болезнь душевная – это не позор. Это вовсе не какое-то вычеркнутое из жизни состояние. Это крест. Скажем, хромой приходит в церковь, никто же не делает вид, что он здоровый и ему никто не говорит: «Беги и прыгай, как здоровые люди». Все чувствуют его хромоту и не дадут ему послушания, которое он не может делать. Также и душевные заболевания, психические заболевания – это крест. Такой человек чего-то не может делать так, как делают здоровые люди. Но он может смиряться, и должен смиряться. Он многого не понимает, но должен слушаться. И если удастся такому больному объяснить, что он должен смиряться, тогда все в порядке. Он обязательно реабилитируется и сможет жить в церкви благополучно. Для него не закрыто ни Царство Божие, ни жизнь благодатная. Если же такой человек смиряться не хочет, будет в своих психических срывах навязывать священнику психически нездоровую атмосферу, то тогда беда. Таких людей обязательно надо лечить. Они очень часто говорят:

– А почему вы благословляете пить «таблетки». Разве от душевного заболевания можно лечить таблетками? Я вот пришла в церковь, прошу благодати Божией, хочу, чтобы Бог исцелил мою больную душу. А почему вы посылаете к врачам? Что, благодать Божия не действует?

Благодать Божия действует, и любого, самого больного человека, Бог может в одно мгновение исцелить от любой болезни. Хромого может сделать целым, слепого может сделать зрячим, а психически больного может сделать здоровым, это безусловно. Но почему же Господь не хочет? Вот ты хромой и хромай всю

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org жизнь. Почему? А потому, что Господь тебя смиряет таким образом, потому, что на тебя положен такой крест Богом. А может быть ты сам себе этот крест выбрал когда-то. Такое тоже может быть.

Надо смиряться. Вот тебе не дано видеть двумя глазами, а только одним. А ты будешь глухой... И все мы такие глухие, косые, слепые и больные, и каждый из нас должен нести свой крест. Точно так же и психически больной человек тоже должен нести свой крест. У меня гипертония, я должен пить таблетки. Господь может меня исцелить, так чтобы у меня было нормальное давление. Но Господь предпочитает, чтобы я пил таблетки, а не получил такое чудесное исцеление. Я не достоин этого чуда, нужно, чтоб я смирялся и сознавал каждый день свою немощь и свое бессилие, тянул свою ляжку и страдал своей болезнью.

Точно также с любой другой болезнью, и с психической тоже. Господь может тебя исцелить. Но сегодня, или, может быть, всю жизнь, Господь хочет, чтобы ты пил таблетки. Это вовсе не значит, что тебе не надо причащаться, и что это тебе вместо причастия. Так вот и я причащаюсь, живу благодатью Божией, но это не значит, что мне таблетки от гипертонии пить не надо. Все равно надо. Господь может меня исцелить, но не исцеляет.

Нужно уметь объяснить человеку, что он должен слушаться, смиряться, должен признать себя больным, и согласиться на свою больную участь. Духовная жизнь только тогда возможна, когда человек согласится признать истинное положение вещей и смирится, согласится жить с тем крестом, который Господь дал ему. Это и есть вера. Если человек не хочет жить так, как Бог ему велит, не принимает креста и не следует за Христом, не признает спасительность пути, на который Господь его поставил, то, значит, он неверующий. Если он неверующий, то чем ему поможешь? Опять приходится священнику терпеть, смиряться, мучиться, страдать. Он думает: «Если Господь меня нагружает этим, буду терпеть, может когда-то Господь что-то сделает Сам».

Во всяком случае, священник должен обязательно увидеть правду, не дать себя обмануть никакими душевными подделками. И должен эту правду сказать пасомому. Если он правды слышать не хочет, говорить эту правду все равно нужно. Свидетельствовать о ней – это долг священника. А дальше – что Бог даст.

Я обещал поговорить о пастырской деятельности, которая не замыкается в рамках общины и относится не обязательно к духовным детям. Священника очень часто приглашают к больным, умирающим, часто священнику приходится бывать в критических ситуациях. Бывает, приходят молодые, мужчина или женщина и говорят, что у них в семье ужас, что грозит развод, или что безнадежно заболел ребенок, или приходит мать и говорит, что сын или дочь сбились с пути, в плохую компанию попали, или в тюрьму даже, или что умерла жена, или умер муж. Одним словом, масса трагических, драматических ситуаций всегда сопутствует жизни священника.

Священник, которого мы до сих пор рассматривали как главу общины, человека, призванного руководить сложившейся духовной семьей, одновременно должен являться и скорой помощью. Эта функция с него никогда не снимается. Он должен быть готов в любое время дня и ночи отправиться к умирающему, чтобы его поисповедовать и причастить, как говорят, напутствовать перед смертью.

Надо сказать, что сами каноны предусматривают особенное отношение священника к таким проблемам. Если пришли священника позвать напутствовать умирающего, то священник должен оставить службу и идти к больному, потому что милосердие и забота о спасении души человеческой превыше всего. Даже литургию в этом случае тоже положено оставить, если она еще не дошла до Херувимской песни. Если уже поют Херувимскую песнь, то священник не имеет права оставить литургию, он должен ее дослужить до конца и вручить судьбу умирающего Богу.

Теперь так практически не бывает. Раньше, когда писались эти каноны, то имелось в виду, что в каждом селе, в каждом небольшом городке есть храм, и прихожане живут вокруг этого храма. И можно пойти пешком по деревне, причастить и вернуться обратно. Сейчас у нас таких приходов часто нет, их лучше назвать «приезды», то есть наши прихожане в основном теперь приезжают в храм, часто издалека, часто не по территориальному, не по географическому принципу, приезжают именно к священнику, как бы далеко он ни служил. Теперь почти невозможно исповедать умирающего. К тому же стали приглашать к умирающему довольно редко. Обычно причащают больных, но не умирающих.

Тем не менее ходить к больным и тяжелобольным священнику приходится довольно регулярно. Бывает, что умирающий ненадолго, на остаток своих дней, становится духовным чадом священника. И он его на последнем отрезке жизненного пути приводит к Богу. Если умирающий еще в сознании, то здесь особенно благоприятная ситуация для деятельности священника. Умирающий человек бывает уже отрешен от всего земного, от земных забот, от страстей, пристрастий, он действительно думает о вечности, его надежда уже только на Бога. С ним священник обычно быстро находит глубокий контакт. Умирающему просто и легко объяснить самое главное. Нужно его побудить исповедаться, и он обычно старается изо всех сил вспомнить свои самые тяжкие грехи и обязательно очистить свою совесть. Ложный стыд и все подобное отступают.

Для молодого священника такие случаи бывают очень полезны, они многому научают его. От священника здесь требуется любовь, и только любовь. Тут меньше требуется опыт духовнический, потому что задача проще. Нельзя такого умирающего человека с холодностью или со строгостью осуждать, укорять, воспитывать. Тут нужна просто милость.

В наше время очень много людей умирает от рака. В древние времена, когда составлялся чин причащения умирающих, не было такого количества смертей от этого заболевания. У раковых больных часто бывает непроходимость, они не могут глотать. Мы сконструировали завинчивающуюся Чашу, куда можно взять Святую Кровь от литургии и причастить маленьким количеством Святой Крови умирающих, не давая Частицу Тела Христова, которую они не могут проглотить. Именно так причащали отца Иоанна Кронштадского перед смертью. Он причащался каждый день, но он умирал от рака и не мог глотать перед смертью.

Такие умирающие больные представляют для священника трудность. Бывает, такого больного непрерывно рвет, тогда его причащать нельзя или только на чудо надеяться. Бывает, что больной заразный, умирает от туберкулеза или от чахотки, есть реальная опасность заразиться. Бывает так, что больной вызывает очень сильное чувство брезгливости, оттого, что уже происходит процесс распада, тяжело общаться. Бывает, человек очень изуродован болезнью. Все это священник должен преодолеть своей любовью. И в каждом таком человеке увидеть чадо Божие, своего брата, должен пожалеть его, и эта жалость и любовь должна превозмогать всякую брезгливость и страх. Священник находится на службе Богу, он должен думать здесь не о себе, а об этой кающейся, подошедшей к последнему пределу душе. И здесь, конечно, священник, более чем кто-либо должен молиться, помочь человеку в его смертном подвиге не потерять мужество, не потерять веру. Очень часто священнику приходится сказать умирающему о том, что его болезнь смертельна, сказать тогда, когда родственники этого не говорят. Иногда приходится крестить таких умирающих, потому что они еще не крещенные.

Бывают трудности иного порядка. Например, часто вызывают к человеку, который уже, по существу говоря, не контактен в полной мере, а иногда и вовсе не способен к контакту. Есть каноны, которые запрещают причащать, по-славянски говоря, «изумленных», то есть тех, кто уже находится в Полном беспамятстве, совершенно без сознания. Таких людей по канонам причащать запрещается потому что всякое таинство совершается по вере, а здесь человек уже не может осознать, почувствовать, что его причащают.

Однако, могут быть разные подходы к этому вопросу. Предположим, умирает близкий вам человек, прихожанин или прихожанка, которые постоянно ходили, причащались, молились, вы знаете всю их жизнь. Он заболел очень тяжело, может у него случился инсульт или что-нибудь в этом роде, и вот он умирает. Как же его не причастить? Тут священник имеет дерзновение причастить такого человека или каплей Святой Крови, если больной уже не глотает, или малой частицей Святых Даров, потому что он уверен, что этот человек не отпал от Церкви, он в Церкви жил все время, и нет препятствия его причастить в этот момент. Мне приходилось много раз в таких ситуациях находиться. Бывают удивительные чудеса, бывает, что причастишь человека, и он приходит в себя после этого, даже иногда поправляется и еще какое-то время живет, будучи смертельно больным.

Но если зовут к человеку, который раньше никогда в церковь не ходил, даже заявлял себя неверующим, и вот он потерял сознание, уже умирает, так и не выявив своего отношения к Богу, то такого священник причащать не имеет права. Тут канон имеет полную силу, потому что нельзя причащать неверующего человека, человека, который не хочет причаститься. Мы не знаем, хотел он

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org или не хотел, верил он или не верил, он не просил об этом, он не заявлял этого.

В подобных случаях встречаются разные искушения. Приведу такой пример. Одна христианка, очень темпераментная дама, еврейка, обратившаяся к вере, много лет прожившая в церкви, в течение большей части своей жизни пыталась обратиться к вере свою сестру. Но та ни в коем случае не хотела креститься. И сколько лет она ни пыталась ее убедить, уговорить, объяснить, книжки давала, та с гневом отрицала все эти ее предложения и креститься не хотела. Но вот она тяжело заболела, и сестра-христианка за ней ухаживала в больнице. И уговаривала ее: «Смотри, как тебе плохо, может скоро умрешь, ну крестись». Но сестра все равно не хотела креститься, отказывалась. Наконец она потеряла сознание. А сестра-христианка решила, что теперь-то ничто не мешает ее покрестить. Она начинает звонить, спрашивать у разных духовников и даже епископов, как поступить (а у нее были большие связи). Одни священники говорят, что нет, нельзя. Как же можно крестить, когда она не хотела. А другие говорят, ну что же, попробуй. И, не получив однозначного запрета, эта дерзновенная христианка все-таки окрестила свою умирающую сестру, которая в себя перед смертью так и не пришла. Значит, умерла теперь уже «крещеной», теперь можно ее отпевать, ведь самое главное у нас «отпеть» человека. При всем моем уважении к этой уже покойной христианке, я, конечно, сказал ей, что такой способ действий совершенно неправомерен. Такого насилия над совестью человека, над его волей мы совершать не можем. Все подобные случаи, конечно, недействительны. Признать такого человека крещеным я бы не решился. Если бы мы признали его крещеным, то это значит, что мы признаем какую-то православную магию. Это значит, что мы не понимаем, что такое православное таинство. Конечно, этот поступок продиктован был любовью, и она оправдывала себя тем, что неверующая сестра была крещена по вере и по любви верующей сестры. Но в этом случае такое «замещение» провести нельзя. Если бы она хоть как-то обнадежила, сказала хотя бы: «Да, верю, покрести меня», и потеряла сознание, тогда еще можно было бы сделать так. Но она ни разу не ответила согласием на многочисленные предложения.

Точно так же и причастить человека, который свою веру не выразил, мы не можем. Со мной был такой случай. Дочь позвала причастить свою умирающую мать. Прихожу. Вижу, что эта пожилая женщина уже в полном беспомоществе. Я спрашиваю:

- Она причащалась когда-нибудь?
- Да нет.
- Ну она просила, вы говорили с ней, просила ее причастить?
- Да, нет, не говорила.
- Ну она хотя бы верующая?
- Ну вроде, да, но вообще-то я не знаю.

Мне трудно было отказать ей, но я сказал, что я причащать ее не могу. Давайте с вами молиться Богу, о том, чтобы она пришла в себя. И когда она придет в себя, тогда позвоните. И ушел. На другой день или через несколько дней прибегает эта дочь и говорит:

- Батюшка, она очнулась.

Я прихожу к ней, а она по-прежнему почти без сознания находится. Но эта дочь стала ее трясти, и она открыла глаза. Я спрашиваю:

- Вы хотите причаститься, вы верите в Бога?

Она говорит:

- Да, верю, хочу.

Я ее причастил, она сразу потеряла сознание и умерла.

Конечно, в этом случае уже не приходится человека исповедовать подробно за всю его жизнь, как надо было бы сделать. Но тут мы на милость Божию должны

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org полагаются. Отказать в последнем напутствии, в причастии человеку, который желает этого, мы не можем. Каноны, правда, иногда предусматривают запреты и отлучение от Церкви даже на смертном одре. Обычно запрещения бывают «кроме смертного одра». Когда человек умирает, то его можно причастить даже, если он находился под запрещением.

В подобных случаях не может быть формализма. Здесь действует принцип милости и врачевания, безусловно. Но если знаешь, что человек как-то очень тяжело нагрешил в этой жизни, нужно побудить его к тому, чтобы он хоть как-нибудь покался.

Есть еще одна большая категория инвалидов, людей несчастных, больных, детей неполноценных, которых иногда невозможно считать духовными чадами. Просто потому что они бывают тяжело психически больны, или совсем сумасшедшие или какие-то просто неполноценные люди. Таких довольно много в наше время. Здесь, конечно, деятельность священника с точки зрения земной, бесперспективна. В обычном общении можно воспитать людей и много можно сделать. С этими людьми ничего сделать нельзя, они только потребляют у священника его силы и ничего в ответ дать не могут. Тем не менее, именно эта деятельность является одной из самых плодотворных, как это ни удивительно. Здесь всегда действует чудо, благодать Божия. Священник, который устремляется на помощь, кормит несчастных, больных, обездоленных, ненормальных, дефективных, сторицею получит от Бога. Мы часто думаем, что для Церкви эти люди балласт, бесполезные. На самом деле это совсем не так. Это, если хотите, люди драгоценные для Церкви. Это красота Церкви. Все эти немощные, больные – это люди, которые в Церкви занимают особенное прекрасное место. Забота о них и служение им – это как раз наиболее полное явление христианского духа. Это воплощение Христовой любви. И когда священник служит таким людям, то чувствует большую радость, удовлетворение, ибо здесь всегда ощущается благодатное присутствие Божие.

Пастырская деятельность священника, как видите, многогранна. И очень часто бывает так, что священник должен, по слову Христову, оставлять своих 99 благополучных, здоровых овец, и устремляться за одной погибающей или пропадающей овцой. Приходится отдавать предпочтение несчастным, людям, попавшим в тяжелые обстоятельства. А община, которая уже живет при священнике, она иногда оказывается пренебрегаемой. Эта специфика священнического служения противоречит земному расчету, земным подходам.

Есть такие слова Христа: «Пусть твоя левая рука не знает, что делает правая». В жизни священника это с особенной силой подтверждается. Если священник делает добрые дела, не может быть, дает милостыню, деньги, или просто свои силы, свое время, не жалеет себя, то поступает как бы абсурдно. Бывает так, есть у него небольшая сумма денег, и у него семья, дети. И вдруг к нему приходит человек попавший в беду, голодный и просит денег. Практически всегда, если священник отдаст деньги с любовью, он тут же получит гораздо больше. Обязательно Господь пришлет к нему того, кто даст с лихвой и восполнит и в десять, и во сто раз. Конечно, нельзя тут действовать по такому расчету: дам, может, получу гораздо больше. Но священник должен всегда помнить, что он – служитель Христов, и если он будет жить праведно, чисто, то Христос будет с ним. И все Евангельские заповеди, все Евангельские обетования обязательно будут исполняться в его жизни, в его служении, если он будет искренне служить Богу, по совести, с любовью, с верой. И так действительно всегда и бывает. В своей деятельности священник должен быть и разумным, и рассудительным, и должен быть у него дар рассуждения, но он должен жить по вере. Не по расчету земному, а по вере.

Прежде всего, самое главное – исполнить волю Божию, исполнить заповедь Божию, вот первый долг, вот способ жизни.

Можно уже закончить этот раздел о пастырской деятельности, о пастырской духовной работе, но имеет смысл вернуться еще раз к проблеме чрезвычайно острой и трудной, которая стоит в жизни каждого пастыря. По-разному у разных священников, но одна и та же проблема обязательно встает. Что же получается из его усилий? Вот священник трудится, может быть, много лет. Что же получается в результате этих трудов?

Можно смело сказать, что все добрые труды принесут добрые плоды, а все плевелы, которые священник сам сеет, подчиняясь своим страстям, конечно, принесут плоды злые. И все эти злые плоды придется ему потом расхлебывать.

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org
Хотя нельзя, может быть, подсчитать все это формально, но все-таки священник должен оглянуться и увидеть, что происходит с ним, что происходит его паствой. Дело в том, что очень часто наши усилия в достижении какой-то цели приводят к цели противоположной. Это закон, который мы называем гетерогенностью цели, всегда нужно помнить. Бывает, что в деятельности священника заложена какая-то очень серьезная ошибка, которую он не понял вовремя. Поэтому нужно все время оборачиваться, смотреть на плоды своих трудов, вот ты сеял пшеницу, а что вырастает? Может, вырастает только крапива, тогда нужно подумать, стоит ли дальше таким земледелием заниматься?

Оборачиваясь на свои труды, в наше время священник видит, по большей части, грустную картину... Но бывает, конечно, и радость. Я знаю много ревностных священников, у которых очевидны большие плоды. Они много успели собрать людей, собрали сильные большие общины, в этих общинах многие люди пришли или приходят к вере. Воспитываются дети в церкви, устраиваются новые храмы, приходы, открываются школы. Такие общины существенно влияют на жизнь общества и на жизнь Церкви.

Но, кроме социального, видимого земного результата, устроительного, материального, душевного, есть еще результат духовный. Что происходит сегодня в Церкви? Мы видим, что храмы, по большей части, наполняются, такие общины их наполняют, даже открывают новые храмы, восстанавливают их. Но кем они наполняются? Людями верующими, православными, которые часто причащаются, хотя часто исповедоваться... И все же есть в этом что-то очень грустное. Можно довести людей до какого-то уровня, и дальше они останавливаются, и идти больше не могут. И уровень этот не такой уж высокий. Обычно это уровень людей, которые не совершают смертных грехов, не блудят, не пьют, не воруют, не колдуют, не бьют своих родителей, не ругаются, может быть, не курят даже. Они причащаются часто, но когдамотришь на этих людей, не видишь, что человек растет дальше и восходит от силы в силу, приближается ко Христу. Сделана лишь начальная работа, что-то предварительное...

Грустно, что настоящих плодов не видно. Ведь по-настоящему каждый христианин, каждый человек призван к святости. Иначе говоря, все те, кто приходит в Церковь, кто начинает жить церковной жизнью, должны постепенно делаться духовными людьми, праведными, святыми. А этого нет. Видно, что наша церковная жизнь и пастырская работа ограничиваются каким-то весьма невысоким пределом, который оказывается для многих из нас непреодолимым.

Можно провести такую параллель. Вот какая-то туристская группа подымается все выше и выше в горы. Сначала это лесистые тропки, ущелья очень красивые, дорога, а там, глядишь, альпийские луга, леса уже нет. Еще выше подымаешься и попадаешь в ущелье, где нет никакой растительности, только низкорослые кустарники, травка небольшая и высокие снежные горы, с которых сползают ледники. Из этих ледников берут начала реки. Доходишь до места, где обычно бывает приют, и дальше на перевал нужно идти уже по снегу, лезть на ледник. А для этого необходимо иметь специальное снаряжение, ботинки, ледорубы, связки, инструктора совсем другого, уже не туриста, а альпиниста. И поэтому на таком рубиконе туристы останавливаются и уже дальше не идут. Дальше смертельно опасно, дальше другая категория трудности. Туристские прогулки на этом уровне заканчиваются. Скажем, до высоты две с половиной, три тысячи метров можно дойти такому туристу. А на четырехтысячную высоту никак не залезешь, если ты не альпинист. Туда не пускают, нельзя, а полезешь – убьешься.

Нечто подобное видно и в нашей церковной жизни. Наша церковная жизнь до определенной высоты доводит нас. Здесь мы с уверенностью бегаем, прыгаем, трудимся, что-то строим, устраиваем. Но все это до какой-то отметки. А дальше? Мы не знаем, как дальше надо жить. И, оказывается, что инструкторов или проводников, которые знают, как дальше жить, уже практически нет, они недостижимы. А если они есть, то их раз-два и обчелся, и к ним уже попасть нельзя, это такие святые старцы, которых, может быть, человека три на всю Россию осталось. Обычные хорошие батюшки, духовники, вот тут еще умеют, а дальше – уже не умеют. Научить молитве умной они не умеют, потому что сами не молятся, им некогда, они работают прорабами, и учителями и еще неизвестно кем, но только не молятся, им некогда. Они не умеют научить побеждать страсти свои по-настоящему, до конца, не умеют научить жить присутствием Божиим, научить жить по воле Божией, не умеют слышать волю Божию.

И возникает грустное, тяжелое чувство ограниченности. Человек, который пытался, пытается жить духовной жизнью, наверное, знает это чувство, ощущение своего банкротства. На поверку оказалось, что ничего ты не умеешь, не знаешь, что вот так ты хорохорился, хорохорился... В общем, по-настоящему ничего не сумел.

Есть ли какой-то выход? Можно ли на что-то надеяться? Ответ должен быть дан объективный и честный – надежды у нас немного здесь. Следует признать, что мы дожили до такого периода церковной истории, когда многое для нас стало невозможным, запредельным, многие подвиги от нас удалились, стали для нас немыслимыми, невозможными. Вы помните, наверное, что говорится о последних временах, что эти времена будут столь трудны, что если кто только призовет Имя Господне в это время, тот и спасен будет. Не понадобится вообще ничего, а только в этот страшный момент Имя Божие призвать, и то уже спасешься ввиду страшных трудных обстоятельств времени.

Каждому времени соответствует свой уровень трудности и свои достижения духовные. Господь не вменит нам то, что мы не достигаем таких вот уровней, такой праведности, святости, как древние святые.

Но от нас требуется то же самое, что и от них – требуется подвиг. Подвиг наш не будет столь плодотворным, как их подвиг. Когда преподобный Серафим подвизался в Саровских лесах, он достиг совершенства, высокой святости. А когда в этих же лесах сидели в лагерях священники и епископы, они не достигали там такого совершенства, такой прозорливости, чудотворений. Но подвиг их был, может быть, не меньшим. Это другой подвиг и другие плоды этого подвига. И Господь вменит им их подвиг в святость.

Вы знаете, в народе говорят: «Ты делай свое дело, а если чего-то ты не умеешь, то Ангел за тебя сделает, если ты действительно полагаешь все свои силы». Когда человек трудится, живет подвигом, тогда ограниченность снимается, уходит. Господь Своей благодатью восполняет помимо человека и помимо священника все необходимое. Все то, чего не может дать священник, будет дано Богом, если этот священник по-настоящему трудится, т. е. живет подвигом.

Очень часто случается, что духовные чада начинают разочаровываться в чем-то, они тоже жить подвигом не умеют, не хотят. Они не ищут духовной жизни, духовного подвига, они ищут какого-то комфорта, каких-то особых отношений. Они перестают искать смирения, послушания, а начинают требовать от своего духовника, чтоб он их понимал, чтоб он уделял им время, чтоб он их слушал, чтобы он с ними беседовал без конца, чтобы он к ним как-то относился, начинают хамить, дерзить своим духовникам. В наше время это очень-очень часто бывает.

По существу нужно признать, что духовных детей очень мало. Их почти что нет. Возможно есть огромная толпа народу, но это все не духовные дети. Душевные дети, которые духовною жизнью жить даже не собираются. Если, так называемое, духовное чадо хамит своему духовнику, то это не духовное чадо, уверяю вас. Точно так же, если духовное чадо не желает слушаться, ему говоришь раз, два, три, а оно не слушается, то это, конечно, не духовное чадо, только название одно осталось.

И вот здесь священнику нужно прозреть, и со всей очевидностью признать, что чего-то высокого не вышло, не выходит у него, и смело сказать этим своим так называемым духовным детям:

– Не надо обманывать друг друга. Не хочешь так, иди куда-нибудь в другое место и все. Зачем играть в послушание, в какие-то отношения. Зачем это делать?

Это будет гораздо лучше, гораздо честнее. Обычно священник к этому приходит, в конце концов. Он начинает избегать этих бесплодных отношений, отношений, которые оставляют только одну тяжесть на душе. И поэтому мы очень часто видим пожилых священников, очень хороших, у которых духовных чад почти что нет. Когда-то были приходы, а на старости лет никого не осталось. Может, есть два-три человека, а может, пять. Почему? Потому что не стало сил у этого батюшки исповедовать без конца, и беседовать он не может уже, душевного интереса он не представляет больше для этих душевных чад. А людей, которые действительно хотят его слушаться, которые верят ему,

Покаяние, Исповедь, Духовное руководство. Протоиерей Владимир Воробьев filosoff.org оказывается очень-очень мало. Может была община человек 500, а осталось, может быть, пять. Остальные все куда-то разбрелись.

Людей, по-настоящему желающих искать подвига духовной жизни, очень мало. Подавляющее большинство ищет жизни душевной, душевного комфорта, душевных отношений, жизни земной, а не небесной, не хочет освободиться от своих страстей, не хочет отказываться от своей воли, не хочет ничем существенным жертвовать.

Людей, желающих отказаться от своей воли, стать послушными, искать волю Божию, очень мало. И поэтому священнику нужно не давать ввести себя в заблуждение. кипит деятельность, все оживает, все растет, строятся храмы, вроде все плодоносит, священнику дают награды, повышают его в чинах, все образцово, все прекрасно. Он может поверить в то, что все действительно прекрасно... Нужно помнить обязательно всякому пастырю, что прекрасно будет только тогда, когда он будет приближаться к Богу, и когда его паства тоже будет идти к Богу, к духовной жизни, к жизни благодатной. Тогда только будет прекрасно, когда все лучше и лучше будет совершаться Божественная литургия, когда на совести, на душе появится благодатный свет, когда все меньше будет иметь значение всякое земное благополучие, земные достижения, награды. Все это будет он ни во что вменять, если прикоснется к жизни благодатной, к жизни с Богом. Вот если так он будет жить, то к нему постепенно будут собираться духовные чада, которые будут иметь такое же устройство. Если же он в основном погружен в земную деятельность, то и чада его будут такими же, земными, а не духовными.

Более всего священнику должно бояться подмены, потому что подмена несет в себе дух антихриста, вместо Духа Христа. Он должен смотреть – а он не заблудился, сам-то он не забыл единственно правильную цель? Ко Христу ли он идет, и готов ли он пожертвовать всем ради того, чтобы остаться со Христом? И должен смело признавать, что мало он умеет, мало получается, и среди тех, кто идет за ним, очень мало настоящих духовных чад. И, занимаясь всевозможной деятельностью, и благотворительной, и преподавательской, и организаторской, и строительной, и просто отправлением служб и треб, священник должен помнить о едином на потребу – о том, что самое главное, чем никогда нельзя пожертвовать, нельзя поступиться – реальная жизнь с Богом, жизнь благодатная. Все остальное без благодатной жизни не имеет никакой цены, никакого смысла и будет давать только обратный результат.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!